

Проблемы истории
докапиталистических
обществ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

*Проблемы истории
докапиталистических
обществ*

КНИГА

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1968

ПЕРВОБЫТНАЯ ОБЩИНА ОХОТНИКОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

(по австралийским материалам)

Проблема развития и разложения первобытной общины и формирования в ее недрах классового общественного строя — одна из центральных проблем марксистской исторической науки. Но, к сожалению, за исключением работ М. О. Косвена о семейной общине, обобщающие теоретические труды на эту тему в советской этнографической литературе все еще отсутствуют. Между тем этапы эволюции общины и ее конкретно-исторические формы, особенно ранние, еще во многом не исследованы. Их изучение должно стать первоочередной задачей этнографии. Эта наука располагает богатейшим фактическим материалом, позволяющим дать характеристику общины у различных народов мира, на всех уровнях ее развития, в разнообразных исторических и социально-экономических условиях.

Термин «первобытная» (или «архаическая») община принадлежит К. Марксу. В черновых набросках письма к В. И. Засулич Маркс противопоставляет «общину вторичной формации» ее «архаическому прототипу». Экономической основой архаической общины является общинная собственность на всю землю, коллективизм производства и потребления. В отличие от общины позднейшего типа, «все более ранние первобытные общины, — как говорит Маркс, — покоятся на кровном родстве своих членов»¹. Вследствие этого к таким общинам и приложим при всей его условности термин «родовые»². Таковы основные черты, отличающие, по Марксу, архаическую или первобытную общину от той, которая приходит ей на смену.

Общине позднейшего типа (Маркс называет ее «земледельческой», или «сельской») присущ дуализм экономических начал,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 403, 404.

² Следует иметь в виду, что собственно рода в таком обществе иногда может и не быть.

т. е. появление, наряду с общинной собственностью, частной собственности, индивидуального производства и присвоения. Такого дуализма первобытная община еще не знает. Второе главное различие состоит в том, что кровнородственные связи, на которых покоится первобытная община, в общине вторичной формации разрываются и замещаются соседскими связями³. Постепенная смена родовых связей соседскими означает вместе с тем складывание частнособственнических отношений. Формирование соседской общины является одним из условий формирования классового общества.

В свою очередь общины обоих типов, как и любые общественные формы, проходят последовательные фазы развития. «Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Наоборот, они представляют собой ряд социальных образований, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и обозначающих фазы последовательной эволюции»⁴. Более ранней формой первобытных общин являются общины охотников и собирателей (присваивающая форма хозяйства), более поздней — общины земледельцев и скотоводов (производящая форма хозяйства). Существуют и переходные формы между теми и другими.

Общины охотников и собирателей (частично рыболовов), стоящие на наиболее низком из фиксируемых этнографией уровней социально-экономического развития, представляют особенно большой теоретический интерес. Таковы общины аборигенов Австралии, тасманийцев (уничтоженных колонизаторами к концу XIX в.), бушменов, пигмеев Центральной Африки, некоторых групп индейцев Северной Америки, огнеземельцев, техуэльче Патагонии, эскимосов, андаманцев, веддов Цейлона, семангов и сеноев Малакки, кубу Суматры, пуананов Каллимантана и многих других народов. Все эти народы, несмотря на существовавшие между ними культурные различия, находились к началу колонизации — а некоторые и сейчас еще находятся — на самой ранней из существующих в настоящее время стадий общественно-экономического развития. Возможно, что некоторые из них деградировали в результате особо неблагоприятных условий. Но даже и в этом случае они представляют для нас большой интерес как пример регенерации прежних социально-экономических отношений, возрождения утраченного было образа жизни.

Факты свидетельствуют о том, что у этих и многих других народов, живущих в условиях доклассового общественного строя.

³ Такая община, как писал Маркс, «будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 419).

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 417.

община является основной ячейкой их общественной структуры. Между тем в общих сочинениях по этнографии первобытная община, как правило, выпадает из рассмотрения общественно-исторических форм. Когда говорят о первобытной или родовой общине, то нередко смешивают ее с родом, что неправильно. Как особая историческая общественная форма, первобытная или родовая община под тем или иным названием (например, под названием «локальная группа»), как правило, фигурирует лишь в работах, посвященных отдельным первобытным народам. Стоит лишь внимательно прочитать общие теоретические труды по этнографии, чтобы убедиться в том, что в большинстве случаев дело обстоит именно так. Ведущая экономическая ячейка первобытного общества — община — оказалась изученной менее других общественных форм, прежде всего семьи и рода. Достаточно напомнить такие, например, книги (в которых отчасти использован и австралийский этнографический материал), как «Формы семьи и формы хозяйства» Э. Гроссе или «Первобытная семья, ее возникновение и развитие» К. Н. Старке. И здесь, как в большинстве общих работ по этнографии, в центре исследования — семья, ее происхождение и развитие. Община остается вне поля зрения авторов. Такова же капитальная монография Б. Малиновского, целиком посвященная семье у аборигенов Австралии⁶.

Редкое исключение составляет работа А. Кнабенханса⁶. Правда, она посвящена в основном «социально-политической» функции австралийской общины. Но здесь подробно рассматриваются и такие проблемы, как структура общины, численность австралийских общин в связи с экологическими условиями, межобщинный обмен и т. д.

Большой интерес в этой связи представляет работа Дж. Уилера. Поставив своей задачей изучить племенную организацию австралийцев, он в конце концов пришел к выводу, что «самая важная общественная единица у австралийцев — не племя, а небольшая локальная группа; племя состоит из нескольких таких групп»⁷. И значительная часть его материалов относится именно к общине как основной структурной ячейке австралийского общества.

Интерес к экономике, к производственным отношениям в первобытном обществе, к общине как выражению этих отношений характеризует главным образом марксистскую этнографию. К сожалению, и здесь в этом отношении сделано еще очень немного. Большой вклад в изучение производственных отношений в первобытном обществе внесла книга русского исследователя Н. И. Зибера «Очерки первобытной экономической культуры».

⁶ B. Malinowski. The family among the Australian aborigines. London, 1913.

⁶ А. Кнабенханс. Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen. Berlin — Leipzig, 1919.

⁷ G. C. Wheeler. The tribe and intertribal relations in Australia. London, 1910, p. 55.

Одним из первых советских этнографов, сумевших правильно оценить значение первобытной общины как основной социально-экономической ячейки первобытного общества, был А. М. Золотарев⁸. Интерес к производственным отношениям, понимание той важной роли, какую они играют и в первобытном обществе, характеризует работы таких советских исследователей, как Н. А. Бутинов и Г. Ф. Хрустов⁹, В. М. Бахта¹⁰.

Именно община, а не семья, не род и не племя является, по мнению упомянутых выше ученых, как и по убеждению автора настоящей статьи, ведущей социально-экономической ячейкой первобытного общества. Она находится с только что названными формами социальной организации в сложном диалектическом единстве, но не тождественна им. Соответственно в настоящей статье обращено главное внимание не на формы рода и семьи (как, например, в работах Гроссе, Старке или Малиновского), а на общину как центр производственных и социальных отношений первобытного общества. Задача заключается в том, чтобы выяснить, что же представляет собой община на одном из ранних этапов общественного развития — у охотников и собирателей, наиболее типичным и изученным примером которых являются австралийцы.

Почему же, несмотря на все ее значение, первобытной общине уделяется сравнительно мало внимания? Одна из причин — отождествление понятий «род» и «община». Принято считать, что род — это «совокупность всех родственников, ведущих происхождение от общего предка»¹¹. В этой формуле, однако, недостает очень важного звена. Помимо общего происхождения, для рода характерна экзогамия, т. е. запрет вступать в брак в пределах рода. Род не состоит из семей — открытие это принадлежит еще Л. Г. Моргану. «Открытием этого простого факта (т. е. экзогамии. — В. К.) Морган впервые раскрыл сущность рода»¹². Исключением являются только те сравнительно поздние формы родовой организации, где существует обряд приобщения жены к роду мужа (или мужа к роду жены), после чего жена (муж) считается членом рода мужа (жены). Между тем община всегда состоит из семей, и уже по одному этому не может отождествляться с родом. По той же причине члены общины (например, мужья и их жены), за исключением упомянутых выше поздних случаев, ведут происхождение от разных предков и принадлежат, следова-

⁸ А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии. — «Известия ГАИМК», т. 10, вып. 2—4, Л., 1931.

⁹ Н. А. Бутинов. Разделение труда в первобытном обществе. — «Проблемы истории первобытного общества» («Труды Института этнографии», т. LIV). М.—Л., 1960, стр. 109—150; Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе. — «Советская этнография», 1959, № 6, стр. 16—36.

¹⁰ См. его статью в этом сборнике.

¹¹ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 119.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 88.

тельно, к разным родам. Не менее важным является еще одно обстоятельство. В то время как часть данного рода (все замужние женщины или все женатые мужчины) уходит в силу закона экзогамии в другие родовые общины и таким образом перестает непосредственно участвовать в экономической деятельности своего рода, община, в отличие от рода, является единым социально-экономическим коллективом. Смещение понятий «род» и «община» приводит к тому, что смешивают и определяемые этими терминами общественные формы, а это отрицательно отражается на их изучении.

Исходя из того, что экзогамия является признаком, выражающим сущность рода, что семьи при наличии родовой организации объединяют представителей разных родов, можно заключить, что ведущая функция рода — регулирование семейно-брачных отношений. Ведущей функцией общины является материальное производство.

Это различие между понятиями «род» и «община» заметил еще Энгельс. Характеризуя «коммунистическое домашнее хозяйство» ирокезов, Энгельс указывал, что в нем «все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к различным родам»¹³. Энгельс строго различал род как экзогамный коллектив и «коммунистическое домашнее хозяйство», или «коммунистическую домашнюю общину».

Первобытная община состоит из представителей разных родов, связанных между собой брачно-семейными отношениями. Эти отношения в свою очередь могли строиться по-разному. Либо муж уходил в общину жены (матрилокальный, или уксо-рилокальный брак), либо жена уходила в общину мужа (патрилокальный, или, точнее, вирилокальный брак). Реже бывает брак авункулокальный (поселение брачной пары в общине брата матери мужа), еще реже — неолокальный (поселение брачной пары вне общин мужа и жены) и совсем редок дислокальный брак, при котором муж и жена остаются в своих общинах. Во всех случаях, кроме последнего, очень редкого, семьи образуют единый производственный коллектив — общину. Первобытную общину необходимо рассматривать и изучать как особую общественно-историческую форму. Будучи выражением определенного уровня развития производительных сил, первобытная община представляет собой универсальное явление, она присуща всем народам на соответствующем уровне их развития. В силу, однако, целого ряда эмпирических обстоятельств (естественно-географических условий, конкретной исторической обстановки и т. д.) она выступает в своеобразных формах. В то же время она проходит, как уже сказано, последовательные фазы разви-

¹³ Там же, стр. 53.

тия. Все это необходимо иметь в виду при конкретном рассмотрении различных типов первобытных общин.

Теперь перейдем к рассмотрению конкретного материала. Ознакомимся с тем, что представляет собой община на той стадии развития и в тех конкретных условиях, которые мы встречаем у современных нам австралийских аборигенов.

* * *

Австралия дает примеры типичных первобытных охотничьих общин, сохранившихся почти до наших дней. Особенно интенсивно они изучались в течение последних 30—40 лет. Привлекаемые нами материалы относятся к австралийским этническим группам, традиционная общинная организация у которых сохранялась в неизменном или почти неизменном виде на протяжении всего XIX и в XX в. Разрушительное воздействие колонизации почти не коснулось этих племен. Сравнительный анализ данных о племенах, на которые распространилось влияние колонизации, и о племенах, избежавших этого влияния, позволяет с достаточной точностью воспроизвести оригинальные формы общественного устройства¹⁴.

Изучение австралийских общин имеет большую историю. Многие специалисты в своих обстоятельных исследованиях познакомили науку со специфическими формами социальной и хозяйственной организации коренного населения Австралии. Как показывают данные этих исследований, община (или локальная группа) австралийцев — это чаще всего сравнительно небольшой коллектив, состоящий, как правило, из нескольких родственных между собой семей, совместно владеющих определенной территорией со всеми ее ресурсами и совместно добывающих средства существования. А. Р. Рэдклиф-Браун определил австралийскую локальную группу как общественную форму, обладающую следующими признаками: 1) ребенок принадлежит к группе отца; 2) в большинстве случаев женщина, вступая в брак, покидает свою группу и присоединяется к группе мужа; 3) локальная группа состоит из мужчин и незамужних женщин, принадлежащих к группе по рождению, и из жен мужчин; 4) локальная группа владеет участком земли, границы которого известны, со всеми его естественными ресурсами; охота на территории другой ло-

¹⁴ Материалы исследований последних десятилетий значительно полнее рисуют австралийскую общину, чем источники прошлого столетия, главным образом потому, что они собирались квалифицированными специалистами-этнографами, ставившими перед собой цель выяснить конкретные формы общинной организации. Материалы конца XVIII и всего XIX в. ни в чем существенном не меняют ту картину, которая складывается на основе источников, относящихся к XX в. В этом нетрудно убедиться, просмотрев хотя бы упомянутые выше работы Кнабенханса или Уилера, в которых источники XIX в. использованы достаточно полно.

кальной группы без разрешения последней не допускается; 5) обычное право не предусматривает, чтобы мужчина покидал свою группу и становился членом другой; 6) как правило, локальной группе принадлежит несколько тотемических центров, расположенных на ее территории; 7) локальная группа независима и автономна во всех своих делах и в отношениях с другими группами¹⁵. Выводы Рэдклиф-Брауна получили широкое признание в зарубежной науке. Однако впоследствии появилось много новых материалов, заставивших в известной мере пересмотреть или дополнить их.

Еще Б. Спенсер и Ф. Гиллен, изучая в конце прошлого — начале нынешнего века общественную организацию аранда (Центральная Австралия), отметили, что каждая локальная группа этого племени «владеет определенной территорией, границы которой хорошо известны аборигенам»¹⁶. Размеры локальных групп и их территорий различны. Дополняя сведения Спенсера и Гиллена, О. Пинк указывал, что каждый абориген принадлежит от рождения к локальной группе своего отца и к его тотемическому роду¹⁷.

К числу совсем недавних материалов относится сообщение Л. Хайэтта о пинтуби, живущих в районе оз. Маккай, в пустыне Гибсона. Пинтуби все еще ведут кочевой образ жизни, который в прошлом был характерен для аборигенов всей Австралии. До самого последнего времени пинтуби почти не соприкасались с европейцами. Одна из типичных групп пинтуби насчитывала 20 человек и состояла из двух семей, которые кочевали вместе, причем один из мужчин одной из семей был женат на двух дочерях из другой семьи, следовательно, семьи были связаны узами свойства. Для пинтуби обычно, что в течение некоторого времени после заключения брака муж живет вместе с родителями жены на территории ее группы¹⁸.

Другой современный исследователь, Д. Томсон, в 1957 г. совершил экспедицию в северо-восточную часть пустыни Гибсона и к северу от оз. Маккай также обнаружил изолированную этническую группу аборигенов, называющих себя биндибу.

Биндибу населяют самую засушливую и негостеприимную область Австралии, но весь уклад их жизни настолько приспособлен к условиям, в которых они живут, что представляется несомненным: он сложился на протяжении жизни многих поколе-

¹⁵ A. R. Radcliffe-Brown. Notes on the social organization of Australian tribes.— JRAI, 48, 1918, p. 222—223; idem. The social organization of Australian tribes.— «Oceania», vol. I, 1930, p. 35—37, 61.

¹⁶ B. Spencer and F. J. Gillen. The Arunta London, 1927, p. 8.

¹⁷ O. Pink. The landowners in the Northern division of Aranda tribe, Central Australia.— «Oceania», vol. VI, 1935, p. 290.

¹⁸ L. R. Hiatt. Local organization among the Australian aborigines.— «Oceania», vol. XXXII, 1962, p. 273.

ний. Общины биндибу состоят из двух-трех, реже четырех семей — ведь скудные запасы пищи и воды не могут обеспечить большие коллективы людей, и они вынуждены жить маленькими группами, рассеянными в пустыне. Так, одна из общин, состоявшая из трех или четырех семей, насчитывала 15—16 человек. Некоторые мужчины имеют по две жены. Многоженство свойственно всем австралийским племенам и связано с трудными условиями жизни бродячих первобытных охотников. Иногда каждая семья биндибу добывает пищу самостоятельно как единый и независимый коллектив, а иногда мужчины и женщины общины уходят на поиски добычи двумя группами — мужчины отдельно, а женщины отдельно. Строгое разделение труда между мужчинами и женщинами вообще характерно для австралийцев. Временное объединение биндибу в святилище Лабби-Лабби насчитывало около 44 человек. Никаких сведений о родовой организации у биндибу Томсон не сообщает, он глухо упоминает только о существовании «брачных групп», регулирующих, очевидно, вступление в брак¹⁹.

Еще более интересны материалы о племени валбири, которое было тщательно исследовано М. Меджиттом в 1950-х годах²⁰. Валбири были избраны исследователем главным образом потому, что до недавнего времени они оставались сравнительно мало затронутыми европейским влиянием и сохраняли традиционные черты общественного строя, многие из которых существуют у них и в настоящее время (например, нормы родственных отношений и тотемические верования)²¹. В последние годы, правда, и у них, подобно многим австралийским племенам, в результате воздействия колониальной организации и экономики (в основном в территориальной организации и экономике). Но Меджитту удалось реконструировать по рассказам самих аборигенов те черты общественного строя валбири, которые уже не сохранились.

Валбири населяют пустынные области Центральной Австралии. Исследование их общественной структуры показало, что она во многом не соответствует той картине, которая, как представлялось Рэдклиф-Брауну и другим авторам, свойственна всем австралийским племенам. Племя валбири делится на четыре части, которые Меджитт называет общинами. Их численность от 200 до 400 человек в каждой. Территории этих общин от 7 до 15 тыс. кв. миль. Их состав и границы их территорий более или менее постоянны. Члены каждой общины свободно передвигаются по своей земле в поисках пищи. В наиболее благоприятное время

¹⁹ D. F. Thomson. The Bindibu expedition.—«The Geographical Journal», vol. 128, 1962, p. 1—14, 143—157, 262—278; *idem*. Some wood and stone implements of the Bindibu tribe of Central Western Australian.—«Proceedings of the Prehistoric Society», vol. 30, 1964, p. 400—422.

²⁰ M. J. Meggitt. Desert people. A study of the Walbiri aborigines of Central Australia. Sydney, 1962.

²¹ *Ibid.*, p. 331.

года, т. е. с наступлением осени и вплоть до начала зимы, когда воды и растительной пищи достаточно, члены каждой общины объединяются в одну или две большие группы, совместно добывающие пищу, причем мужчины охотятся, а женщины ежедневно отправляются большими группами для сбора растительной пищи, небольших животных и топлива. Когда воды и пищи становится мало, эти коллективы распадаются на более мелкие группы. В самое трудное, засушливое время года, т. е. в конце весны и начале лета, типичный хозяйственный коллектив (по выражению Меджитта — food-gathering unit — «объединение, добывающее пищу») состоит из мужчины, его жён и детей, а также, может быть, старухи-матери, не имеющей мужа, или престарелого тестя, т. е. фактически из одной семьи. Только такая группа может обеспечить себя пищей в это время года, когда вся ее добыча в течение дня не превышает одной-двух ящериц, нескольких клубней ямса и горсти семян.

С началом сезона дождей эти группы мало-помалу снова объединяются. Формируются они по разным принципам. Часто, например, родные или классификационные братья предпочитают охотиться вместе, и тогда их семьи составляют одну группу. Состав этих групп неустойчив и непостоянен, он зависит от разных причин и меняется от года к году. Он может отражать связи и отношения кровного родства и свойства, дружбы или взаимных обязательств, подкрепленных совместными обрядами, и т. д. С точки зрения индивида, самой большой группой, к которой принадлежит и он сам, и большинство его родичей, является его община, т. е. одно из четырех подразделений племени, а наименьшей — его семья. Между этими двумя полюсами расположены группы, численность и состав которых меняется в зависимости от времени года и многих других обстоятельств.

Мужчины каждой общины принадлежат к ней по рождению, тогда как многие женщины пришли в нее благодаря браку из других общин. По наблюдениям Меджитта, браки внутри общин встречаются несколько чаще, чем браки между общинами. Брак патрилокален, однако, если жена слишком молода (скажем, семи или восьми лет), муж в течение первого года брака живет в общине ее родителей²². Подобно всем коренным австралийцам, валбири знают только два вида собственности — общинную собственность на землю и личную на предметы индивидуального пользования²³.

Отцовский и материнский род у валбири сосуществуют. Правда, Меджитт не употребляет слова «род» — он говорит о «патрилиниях» и «матрилиниях», но по существу это отцовские и материнские роды. Материнские роды, или матрилинии, не связаны с

²² Ibid., p. 47—57.

²³ Ibid., p. 94.

какими-либо участками земли. Так как браки заключаются не только внутри общин, но и за их пределами, естественно, что члены матрилинн рассеяны по территории всего племени. В недалеком прошлом они собирались вместе только для обрядов обрезания, по случаю смерти кого-либо из взрослых членов матрилинн и т. п. Особенное значение матрилинн имеет для женщины, так как мужчины — члены матрилинн — выдают ее замуж и в дальнейшем защищают ее интересы. Патрилинн, напротив, имеет большее значение для мужчины, так как у мужчин — членов патрилинн — имеются общие тотемические центры на земле общины, мужчины участвуют в совместных обрядах, доступных только для посвященных, и т. д. Мужчины — члены патрилинн составляют как бы закрытое культовое сообщество, в которое подростки вступают, проходя особые обряды посвящения. Женщины в это сообщество не допускаются, однако, как и мужчины, они считаются членами той или иной патрилинн. Члены патрилинн — как мужчины, так и женщины — рассеяны по всей территории общины, а часть женщин, кроме того, выйдя замуж, поселяется в других общинах племени. Несмотря на то, что значительную часть года отдельные семьи живут раздельно, мужчины — члены патрилинн в течение всего года поддерживают взаимные контакты. В отличие от мужчин матрилинн, они собираются не от случая к случаю, а регулярно, чтобы совершать продуцирующие обряды, т. е. обряды умножения продовольствия и самого человеческого общества. Обряды эти происходят в тотемических центрах патрилинн. Патрилинн экзогамны. Меджитт подчеркивает, что они не выполняют никаких экономических функций, если только не считать таковыми обряды, направленные на умножение продовольствия. Землей они также не владеют²⁴.

Племя валбири не выступает как единое целое ни в организационном, ни в экономическом отношениях. Это свойственно и всем другим австралийским племенам в настоящее время, и так, видимо, было и в прошлом. Термин «племя» может употребляться для них только в условном смысле, и мы его так и употребляем. Фактически же речь идет всякий раз об этнической общности, говорящей на одном языке (последний порой состоит из нескольких диалектов) и обладающей иногда самоназванием. Перед нами — одна из самых ранних стадий процесса становления племени как общественного института. Ни вождей, ни общественных классов, ни какой-либо правящей элиты (например, группы стариков, имеющих власть над остальными членами общества)²⁵ ни у валбири, ни у других австралийских племен не суще-

²⁴ M. J. Meggitt. Op. cit., p. 193—214.

²⁵ Видимо, сведения об австралийской геронтократии (т. е. о «власти стариков», о которой так много писали) вообще сильно преувеличены (см. M. J. Meggitt. Op. cit., p. 234, 235, 242—251).

ствует. Общество валбири, как и всякое другое австралийское племя, — это типичное первобытное общество.

Локальные группы в пустынях Запада состоят из мужчин, незамужних женщин, принадлежащих к группе по рождению, а также жен мужчин, приходящих из других групп. Каждая локальная группа насчитывает обычно не более 50 человек. Локальные группы, как правило, добывают пищу на своей территории, они независимы от других групп и самостоятельно решают свои дела. Всех членов группы, в том числе и женщин, пришедших из других групп, объединяет совместный труд и — когда нужно — совместная оборона от посягательств извне.

В отличие от локальных групп, члены тотемических родов редко живут все вместе. Лишь в периоды относительного изобилия пищи и воды несколько локальных групп собираются на непродолжительное время для совершения обрядов. Такие временные объединения насчитывают иногда 200—300 человек. Локальным группам не запрещено охотиться и собирать пищу на территории других групп, нельзя лишь приближаться к местам, где находятся культовые центры чужого рода²⁶.

Р. Пиддингтон, изучая племя карадьери (Кимберли), обнаружил, что этому племени также несвойственно, чтобы одним локальным группам было запрещено охотиться на территории других групп без разрешения последних. Локальные группы карадьери, состоящие каждая не более чем из двенадцати человек, охотятся на территории любой группы, не спрашивая особого разрешения. Жениться на женщине из своей группы не разрешается. Вступив в брак, женщина обычно поселяется в группе мужа.

Тотемические роды патрилинейны. Роды и локальные группы не совпадают друг с другом. Нередко в одной локальной группе находятся мужчины разных родов²⁷. Лишь племя как высшее единство, у австралийцев только начинающее формироваться, включает в себя и все роды, и все локальные группы данной этнической общности.

Территории локальных групп западного Арnhemленда в то время, когда их изучал У. Станнер (в начале 30-х годов), были невелики, иногда менее десяти квадратных миль, границы их были неопределенными, и другие группы их часто переступали в поисках дичи и растительной пищи. Многие участки земли принадлежали двум или трем группам одновременно. Однако тотемические центры, как и у многих других племен Австралии, принадлежали определенным патрилинейным тотемическим

²⁶ R. M. Berndt. The concept of «the tribe» in the Western Desert of Australia, — «Oceania», vol. XXX, 1959, p. 98—104.

²⁷ M. Piddington and R. Piddington. Report on field work in North-Western Australia. — «Oceania», vol. II, 1932, № 3, p. 351; R. Piddington. Totemic system of the Karadjeri tribe. — «Oceania», vol. II, 1932, № 4, p. 376.

родам. Локальные группы состояли из представителей различных тотемических родов, как женщин, так и мужчин²⁸.

Тот же район западного Арnhemленда примерно через двадцать лет посетил И. Фалькенберг, автор монографии, посвященной группе племен, живущей в окрестностях Порт Китса, — муринбата и их соседям²⁹. Каждое племя этой группы имеет свой язык и самоназвание. Людей каждого племени, прежде всего женщин, которые вышли замуж за мужчин из других племен, можно встретить в любом племени группы. Но и выйдя замуж, женщины никогда не становятся членами родов своих мужей. Племена Арnhemленда, как и везде в Австралии, — это этнические группы, связанные лишь общностью языка и некоторых особенностей культуры³⁰. На земле племени расположены территории локальных групп (которые Фалькенберг называет «ордами»). На землях локальных групп в свою очередь расположены тотемические центры рода, составляющего основу данной локальной группы. Каждый род имеет несколько тотемических центров и соответственно несколько тотемов, один из которых считается «главным». Роды патрилинейны и экзогамны. Каждый род состоит из: а) мужчин, прошедших инициацию; б) детей, не прошедших инициацию; в) женщин, вышедших замуж в другие локальные группы. Численность родов в среднем 26—27 человек. Помимо своего рода, абориген тесно связан с родом матери, особенно с ее братом. Он может охотиться на территории этого рода, но не должен приближаться к его тотемическим центрам.

Мужчины, прошедшие обряды посвящения, составляют закрытое культовое сообщество, куда непосвященные не допускаются. Мальчики и юноши рано или поздно будут приняты в него, но женщины исключены из него навсегда. Мы встречали это и в других австралийских племенах. И в то время как женщина, вступая в брак, покидает свою локальную группу, мужчина всегда связан со своей территорией. Куда бы он ни ушел на время (например, для работы на скотоводческой ферме), рано или поздно он возвращается на землю своего рода. Как правило, мужчины одного рода живут вместе в одном стойбище. В этом отношении сведения Фалькенберга отличаются от того, что писал об этих же племенах Станнер двадцать лет назад. Ведь Станнер писал, что локальные группы состоят из представителей различных родов, не только женщин, но и мужчин. Неизвестно, объясняется ли это расхождение эволюцией общественной организации — возможно и это — или иными причинами.

²⁸ W. E. Stanner. The Daly river tribes — a report on field work in North Australia. — «Oceania», vol. III, 1933, p. 403; idem. Murinbata kinship and totemism. — «Oceania», vol. VII, 1936, p. 187.

²⁹ J. Falkenberg. Kin and totem. Group relations of Australian aborigines in the Port Keats district. Oslo, 1962.

³⁰ Idid., p. 14—17.

Как мы видим, в отличие от Меджитта, Фалькенберг придает большое значение родовой организации. Это и понятно, ведь в изученной им группе племен, в отличие от валбири, роды, по его наблюдению, как правило, составляют основу локальных групп³¹.

Тиви, населяющие о-ва Мелвилл и Батерст, еще в конце 20-х годов вели традиционный образ жизни, позднее нарушенный. Основными формами их общественной организации были локальные группы. Дети от рождения принадлежали к группе своего отца. Имелась также матрилинейные тотемические роды. Члены одного матрилинейного рода находились в различных локальных группах, и каждая группа состояла из представителей разных родов. Брак был обычно патрилокальным, но мужчины продолжительное время жили в локальных группах своих жен или невест. Всего локальных групп было девять, каждая занимала до 200 кв. миль площади и насчитывала 100—300 человек. Границы территорий были хорошо известны каждому. Численность и состав локальных групп постоянно менялись, да и члены их жили вместе в течение года лишь непродолжительное время. Условия охотничье-собираетельского хозяйства заставляли их периодически расселяться по своей территории и жить семьями, состоящими обычно из мужа, его жены (или жен) и их детей, а нередко также из неженатых родственников — мужчин. Члены семьи жили всегда вместе, совместно добывали и делили между собой пищу. Существовали и группы, состоявшие из нескольких семей³². Все это напоминает социальную организацию валбири Центральной Австралии. Как и у валбири, между общинами (локальными группами) тиви и их малыми семьями наблюдаются переходные формы.

На севере Арnhemленда, по свидетельству А. П. Элькина и Р. и К. Берндт, локальные группы невелики и владеют участками земли. Основой локальных групп являются патрилинейные, патрилокальные, экзогамные роды. Кроме того, существуют матрилинейные экзогамные тотемические фратрии. Члены фратрий — женщины и мужчины — рассеяны между различными локальными группами³³.

В 1948 г. Ф. Маккарти и М. Макартур изучали жизнь одной из локальных групп на севере Арnhemленда. Группа состояла из девяти человек — одного мужчины, его жены, четырех его двоюродных братьев по линии матери, жен двух из них и еще одного молодого человека, о родственных отношениях которого с остальными не сообщается. Мужчины этой группы принадлежали по

³¹ Ibid., p. 21—86.

³² C. W. M. Hart. The Tiwi of Melville and Bathurst Islands.— «Oceania», vol. I, 1930, p. 176, 177; C. W. M. Hart and A. P. Pilling. The Tiwi of North Australia. New York, 1960, p. 11—13, 31—33, 65—66.

³³ A. P. Elkin, R. M. Berndt and C. H. Berndt. Social organization of Arnhem Land.— «Oceania», vol. XXI, 1951, p. 294.

крайней мере к двум патрилинейным родам, но были членами одного трудового коллектива, вместе охотились, жены их вместе добывали растительную пищу. Те же исследователи изучили жизнь и труд одной из локальных групп на о-ве Гроте Эйландт (зал. Карпентария). Группа состояла из мужчины, его жены и ее брата со своей женой. Мужчины группы принадлежали к различным патрилинейным родам³⁴.

Л. Уорнер, изучавший этническую группу мурнгин на северо-востоке Арnhemленда, указывает, что основу локальных групп здесь составляют экзогамные патрилинейные роды, насчитывающие 40—50 человек каждый и занимающие территории в среднем по 360 кв. миль. Мужчины рода живут почти постоянно на своей земле, в то время как женщины приходят в группы мужа из других родов через один или два года после заключения брака (вследствие временной матриликальности брака). Дружественные группы живут и добывают пищу вместе в периоды относительного изобилия, и, кроме того, их члены всегда могут добывать пищу на землях друг друга³⁵.

Р. Берндт, уточняя Уорнера, указывает, что локальные группы, владеющие определенными участками, границы которых хорошо известны, состоят из представителей нескольких (от двух до шести) патрилинейных родов. Мужчины — члены одного рода с их женами в некоторые периоды года живут порознь, как самостоятельные группы. Они могут добывать пищу на территории других локальных групп, но большую часть года остаются на своей земле. Каждая локальная группа, состоящая из нескольких родов, говорит на своем диалекте³⁶.

В центральной части Арnhemленда Л. Хайэтт изучил 33 локальных группы, средней численностью 13—14 человек в каждой. Основой локальных групп являются патрилинейные локализованные роды, т. е. роды, расселенные в пределах одной определенной местности. Каждая локальная группа состоит из лиц, принадлежащих к ней по рождению, минус женщины, вышедшие замуж за мужчин из других групп, плюс женщины из других групп, которые вышли замуж за мужчин данной группы. Несколько локальных групп объединяются в более крупные единицы, которые Хайэтт называет общинами. Каждая община говорит на своем диалекте. Браки заключаются как внутри общин, так и между людьми из разных общин. Большую часть года члены общины живут вместе и добывают пищу на земле всей общины. Между локальными группами одной общины никогда не

³⁴ F. D. McCarthy and M. McArthur. The food quest and the time factor in aboriginal economic life.— «Records of the American-Australian scientific expedition to Arnhem Lands», vol. 2, Melbourne, 1960, p. 145—194.

³⁵ W. L. Warner. A black civilization. Chicago, 1937, p. 16—19, 389.

³⁶ R. M. Berndt. Murngin (Wulamba) social organization.— «American Anthropologist», vol. 57, 1955, p. 101.

возникают споры из-за прав на землю. В остальное время отдельные локальные группы, состоящие из мужчин одного рода с их женами и детьми, покидают общину. Не все локальные группы, однако, образованы на основе локализованных родов. Некоторые группы сформировались иначе, например на основе отношений свойства³⁷.

Племя вик-мункан (п-ов Кейп-Йорк), которое исследовала У. Макконнел, состоит из тридцати локальных групп. Основу каждой группы составляет патрилинейный род. Размеры родов — до 50 человек. Каждая группа имеет свою территорию, размер которой от 50 до 100 кв. миль. Большую часть года локальные группы живут и охотятся на своей земле. Однако в периоды изобилия принято приглашать родичей из других групп. Две соседние группы, члены которых регулярно заключают браки между собой, особенно близки и постоянно охотятся на земле друг друга. Обычно мужчина имеет право охотиться на земле родичей его жены, а родственники жены, в свою очередь, имеют право охотиться на его земле³⁸.

Племя йир-йоронт (п-ов Кейп-Йорк), изученное Л. Шарпом, в 30-х годах состояло из 28 патрилинейных экзогамных родов, из которых наибольшие насчитывали до 30 человек, а некоторые уже тогда были на краю исчезновения. Большинство родов имело участки земли. Каждый род, как это было обычно и для других племен Австралии, имел тотемические центры на своей территории. Все это не мешало тому, что члены родов охотились там, где они желали. Локальные группы состояли из представителей разных родов, как женщин, так и мужчин, которые могли переходить из одной группы в другую. В сухое время года отдельные группы собирались в более крупные объединения, а в период дождей эти объединения распадались на группы меньшего размера, причем и тогда люди одного рода не жили вместе в одной группе³⁹.

Рассмотрев факты, относящиеся к локальным группам тех областей Австралии, где на этих группах еще не отразилось в сколько-нибудь значительной степени влияние европейской колонизации, мы приходим к следующим выводам:

1. Само существование общины как хозяйственного коллектива на данном уровне развития общества необходимо; необходимость эта обусловлена низким уровнем развития производительных сил. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»⁴⁰.

³⁷ L. R. Hiatt. Op. cit., p. 279—282.

³⁸ U. McConnell. The Wik-Munkan tribe.— «Oceania», vol. I, 1930, p. 181, vol. IV, 1934, p. 334, 335.

³⁹ L. Sharp. Ritual life and economics of the Yir-Yoront of Cape York Peninsula.— «Oceania», vol. V, 1934, p. 19—32.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 404.

Община является здесь основной экономической ячейкой, главным производственным коллективом, совместно добывающим средства существования. Поиски пищи и сырья для орудий в австралийской общине хорошо организованы. Это относится как к группе женщин и детей — собирателей растительной пищи и мелких животных, так и, в особенности, к группе мужчин-охотников. Охота на кенгуру и эму, на морском побережье — на дюгоней, рыбная ловля совершались, как правило, группами охотников или всеми мужчинами локальной группы, иногда с привлечением женщин и детей. Можно предполагать, что община возникла одновременно с возникновением самого человеческого общества и была одной из первых форм социальной организации.

2. Первобытным общинам охотников и собирателей (австралийцы — типичный пример этой стадии развития) свойственны коллективная, общинная собственность на землю и естественные ресурсы, личная собственность на орудия труда и некоторые другие предметы, коллективизм производства и потребления, отсутствие частной собственности, классов и эксплуатации человека человеком. Коллективизм потребления не следует отождествлять с уравнительным распределением. Вопреки широко распространенному мнению, такое распределение не является обязательным признаком, характеризующим первобытную общину. Нередко нормы обычного права предписывают распределять пищу таким образом, чтобы большая и лучшая ее часть доставалась старшей возрастной группе или группе охотников и т. д. Не следует абсолютизировать и коллективизм производства. Он не исключает полностью ни индивидуальных способов добывания пищи, ни индивидуального изготовления орудий труда.

Первобытным общинам на этой стадии развития уже свойственны два вида общественного разделения труда. Это, во-первых, естественное разделение труда между мужчинами и женщинами, между людьми разных возрастов, возникшее, вероятно, вместе с появлением хозяйственных функций человеческого коллектива на основе физиологических различий между людьми. Этот вид разделения труда внутри общины является исходной фазой общественного разделения труда. Во-вторых, это географическое разделение труда между общинами и группами общин, возникшее на основе местных природных различий и развития первобытного обмена.

Эти социально-экономические основы, тесно переплетенные с родовой организацией, но не тождественные ей, являются ведущими, определяющими свойствами первобытных общин как исторической общественной формы. Указанные признаки характеризуют и доклассовое общество в целом как общественную формацию. Иначе и не может быть, ибо первобытная община — одна из основных структурных единиц этого общества.

3. Общине (одной или совместно с другими общинами), как правило, принадлежит определенная территория со всеми ее ресурсами. Ее границы могут быть (а могут и не быть) четко очерченными. Однако испрашивать разрешение для эксплуатации естественных ресурсов на территории соседней общины далеко не у всех австралийских обществ обязательно. Перед нами ранняя стадия в развитии собственности на землю. На этой стадии земля выступает лишь в качестве охотничье-собирательской территории общины или группы общин, на равных началах ее эксплуатирующих.

4. Уровень развития производительных сил, ведущий тип хозяйства (охота и собирательство) наряду с природными условиями ограничивают размеры общин. Вот почему в данных условиях и семья, состоящая из мужа, жены (или жен), их детей и иногда ближайших родственников, выступает эпизодически как самостоятельный хозяйственный коллектив, не имеющий, однако, своей отдельной собственности на землю. Многочисленные факты показывают, что семьи многих австралийских племен ежегодно в течение известного периода времени — от нескольких недель до нескольких месяцев — ведут экономически самостоятельное существование. Продолжительность этих периодов зависит от местных природных условий, времени года, наличия продовольственных ресурсов и воды. Но и в эти периоды малая семья всегда рассматривает себя как часть более крупного коллектива, с которым она постоянно связана многочисленными и прочными узами. Необходимость добывать пищу силами отдельной семьи — это лишь результат суровых условий жизни. Австралиец делает это только тогда, когда он вынужден к этому, когда общинная территория не может обеспечить пищей и водой всю общину. Но даже в таком аморфном состоянии семейные группы не теряют силы сцепления, которая вновь собирает их вместе, как только это становится возможным.

То же самое мы наблюдаем у всех охотничье-собирательских народов, находящихся примерно на том же уровне развития, например у эскимосов, веддов Цейлона, бушменов Южной Африки. Так, условия жизни эскимосов Крайнего Севера напоминают условия жизни аборигенов Австралии: для того, чтобы выжить, и те, и другие вынуждены расселяться небольшими группами по обширной территории. Так же, как и у австралийцев, труд у эскимосов поделен между мужчинами и женщинами: мужчины охотятся, ловят рыбу и выполняют другие работы, требующие физической силы и продолжительного пребывания вдали от семьи, а женщины готовят пищу, изготавливают и ремонтируют одежду, собирают птичьи яйца, ставят западни на пушного зверя — словом, делают то, что позволяет им в то же самое время ухаживать за детьми и поддерживать домашнее хозяйство. Основной общественной группой у эскимосов является стойбище.

объединение нескольких семей (у полярных эскимосов обычно не более семи или восьми). Последнее непрочно и редко объединяет одни и те же семьи в течение более чем одного сезона. Семья состоит из мужа, жены и детей, иногда и ближайших родственников. Некоторые семьи стойбища (но не все) связаны между собой взаимным родством. Зимой, когда кочевание невозможно из-за холода и метелей, эскимосы собираются в стойбища близ своих мест охоты. Весной, в короткий период относительного изобилия, эти группы, часто увеличенные за счет семей из других стойбищ, переселяются из зимних жилищ в палатки из шкур и передвигаются вдоль берега, охотясь на птиц и морских животных. В летнее время, когда пищи становится меньше, стойбище распадается на группы из одной или двух семей, и каждая группа самостоятельно охотится на оленей карибу или занимается рыбной ловлей. Такие группы почти всегда состоят из родственников или побратимов⁴¹. Нестабильность общины в связи с циклическостью экологических условий, относительная, условновременная хозяйственная самостоятельность семьи — все это очень напоминает то, что наблюдалось у австралийцев.

К этому надо добавить, что у эскимосов, как и у австралийцев, наибольшим авторитетом пользуются старшие, опытные охотники. В отличие от австралийцев, родовая организация у эскимосов (если она и существовала в прошлом) не сохранилась. Сравнительно недавно, впрочем, у оседлых азиатских эскимосов, образ жизни которых во многом отличен от образа жизни полярных эскимосов, был обнаружен отцовский род⁴². Но сохранился ли он у них с глубокой древности или, напротив, сложился недавно — это пока неясно. Вполне возможно и возрождение родовой организации в результате изменившихся условий жизни.

Образ жизни лесных веддов весьма сходен с образом жизни австралийцев, населяющих северные тропические леса Арnhemленда и Квинсленда. Материальная культура веддов крайне примитивна, их единственное оружие — лук и стрелы (у австралийцев — копья и метательные палицы и бумеранги). Главное занятие лесных веддов — охота. В жаркие сухие месяцы они живут отдельными семьями в хижинах у воды, а с наступлением сезона дождей переселяются в пещеры и под скальные навесы, расположенные на возвышенности. Здесь группа семей обычно живет вместе, образуя небольшую общину охотников, рыболовов и собирателей меда. Лесные ведды матрилокальны и матрилинейны⁴³.

⁴¹ См., например, E. M. Weyer. *The Eskimos*. Hamden, 1962, p. 207.

⁴² См. статьи Г. А. Меновщикова и Д. А. Сергеева в журнале «Советская этнография», 1962, № 6.

⁴³ C. G. Selligman, *The Veddas*. Cambridge, 1911, p. 30, 81—105.

Наконец, и общественная организация охотников-бушменов Южной Африки во многом напоминает общество австралийцев, в особенности населяющих пустыни Центральной и Западной Австралии. Основная общественная группа бушменов — это община, основанная на узах кровного родства и свойства. Община, состоящая из нескольких — от двух до двенадцати — семей (включающих мужа, жену, или жен, детей и иногда ближайших родичей), осваивает принадлежащую ей территорию и значительную часть года живет и хозяйствует как одно целое. Но нередко отдельные семьи покидают ее и добывают пищу самостоятельно⁴⁴.

Бушмены, подобно австралийцам, населяют пустыни Южной Африки, очевидно, с глубокой древности, и их общественный строй — не новообразование, а, подобно общественному строю австралийцев, складывался на протяжении жизни многих поколений. Вот что пишет о бушменах такой знаток далекого прошлого Южной Африки, как Д. Кларк: «Бушмены пустыни Калахари настолько приспособлены экологически, физиологически и лингвистически к своему окружению, что не приходится сомневаться в том, что они являются потомками позднепалеолитического населения, которое, как показывает археология, обитало здесь задолго до прихода банту или европейцев»⁴⁵.

5. Будучи частью общины или (эпизодически) самостоятельной группой, семья у австралийцев и других народов, стоящих на том же уровне развития, выступает и как экономическая ячейка, но вторичная, в значительной мере подчиненная общине. Хозяйственная жизнь семьи основана на разделении труда и личной собственности отдельных ее членов — мужчин и женщин — на орудия труда. Даже составляя часть общины, семьи самостоятельно выполняют некоторые хозяйственные функции, и между ними происходит обмен деятельностью. Следовательно, и внутри семей, и между ними имеют место экономические по существу отношения, конечно, еще неразвитые, как и само общество.

6. В начале статьи австралийская община была охарактеризована как сравнительно небольшая группа, состоящая из нескольких родственных семей. Однако существуют и большие общины. Таковы, например, общины у тиви и валбири, насчитывающие 100 и более человек каждая. Так как размеры общин обусловлены сезонными колебаниями природных условий, обеспеченностью продовольственными ресурсами и водой, такие общины периодически подвержены дроблению на мелкие группы вплоть до отдельных семей. В силу тех же причин и семьи как самостоятельные хозяйственные коллективы имеют лишь времен-

⁴⁴ L. Marshall. Kung Bushman bands. — «Africa», vol. 30, № 4, 1960, p. 325—355.

⁴⁵ J. D. Clark. Comment on «Bushman paintings». — «Current Anthropology», vol. 6, № 1, 1965, p. 117.

ный характер и в остальное время года они стремятся вновь образовать более крупные объединения. Таким образом, размеры австралийских общин непостоянны и в некоторых случаях (валбири, тиви) колеблются от группы в несколько сот человек до семьи из нескольких человек. Правильная повторяемость, цикличность этих колебаний закономерно связаны с хозяйством — охотой и собирательством, обусловленными в свою очередь цикличностью изменений, происходящих в природе.

Наряду с сезонными колебаниями размеры общин зависят и от стабильных местных условий жизни. В более благоприятных условиях размеры общин (и абсолютно, и относительно к величине занимаемой ими территории) больше, в менее благоприятных — меньше. В Юго-Восточной Австралии, природные условия которой сравнительно с другими областями континента наиболее благоприятны, плотность населения была выше, и общины нередко насчитывали в среднем 100—200 человек при сравнительно небольших размерах своих территорий. С этим была связана тенденция к относительной оседлости. В пустынях Западной Австралии, где условия жизни очень тяжелы и плотность населения соответственно самая низкая на континенте, картина иная. Здесь аборигены вынуждены постоянно кочевать в поисках пищи и воды, материальная вооруженность их беднее и примитивнее, чем в других областях континента, и поэтому общины, как правило, состоят примерно из 10 человек мужчин, женщин и детей, с трудом добывающих пищу на своих обширных территориях. Само существование первобытных охотничьих общин возможно здесь лишь при условии, что их размеры невелики, что львиную долю своего времени они посвящают поискам пищи, что они великолепно знают свою местность. У тасманийцев, техническая оснащенность которых была еще примитивнее, но которые зато жили в природных условиях, близких к условиям Юго-Восточной Австралии, локальные группы редко состояли более чем из 30 человек. Добавим для сравнения, что у индейцев Огненной земли размеры общин колебались от 20 до 40 человек.

7. Первобытные общины конституируются преимущественно на отношениях кровного родства и свойства. Члены первобытных общин чаще всего родственники между собой, хотя бы и отдаленных степеней. Но община может включать и посторонних: друзей, побратимов и т. п. Это наблюдается не только у австралийцев — то же самое мы находим, например, у эскимосов. Между тем некоторые советские ученые, ссылаясь на слова Маркса о том, что «все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов»⁴⁶, склонны утверждать, что первобытные общины вообще иных отношений, кроме кровнородственных, не знают, что у австралийцев и других народов, находящихся на том

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 403.

же уровне развития, производственные отношения выступают в форме кровнородственных отношений и т. п.

Такие утверждения противоречат фактам этнографии. Хорошо известно, что первобытные общины состоят не только из кровных родственников, но и свойственников, т. е. родственников по браку, а иногда и из не состоящих в родстве выходцев из других общин, что уже в эту эпоху возникает разделение труда между общинами в форме межобщинного обмена. Иногда соседние общины кооперируются в различных видах производственной деятельности. Этнография не знает ни одного общества, в котором производственные отношения не выходили бы в той или иной мере за рамки кровнородственных отношений. Можно предположить, что на одном из самых ранних этапов своего развития первобытные общины состояли только из кровных родственников и свойственников. Но этот этап уже не засвидетельствован этнографией и доказать его существование в прошлом очень трудно.

Среди некоторых советских исследователей первобытности существует тенденция рассматривать род и общину на самых ранних этапах их развития, не зафиксированных этнографией, как явления полностью совпадающие. Для этого конструируется якобы существовавшая когда-то в прошлом стадия «дислокального брака», на которой община была экзогамным коллективом, браки внутри общины были запрещены и она, таким образом, полностью совпадала с родом, а производственные отношения, следовательно, совпадали с родовыми⁴⁷. Всем этим построениям недостает фактического обоснования, а против них говорит следующий, очень веский аргумент: для народов, стоящих на наиболее низком из известных этнографии уровней социального развития, в том числе австралийцев, дислокальный брак совершенно не характерен. Редкие случаи дислокальности брака встречаются, как правило, лишь в обществах, стоящих на более высоких уровнях социального развития. По-видимому, эта форма брака возникла в особых условиях, притом сравнительно поздно. Во всяком случае существование стадии «дислокального брака» не доказано. По всей видимости, такой стадии просто никогда не существовало и род никогда не был, как представляется сторонникам этой гипотезы, производственным коллективом. Как бы ни развивались формы родовой организации, сущность рода не менялась и его основной функцией всегда была организация семейно-брачных отношений.

8. Род и община никогда не совпадают полностью, наблюдаются лишь различные степени их «сближения». Наиболее тесно они связаны там, где локализованный род является основой общины (аранда Центральной Австралии; муринбата и другие племена в районе Порт-Китса; некоторые другие группы Арnhemлен-

⁴⁷ См., например, Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории. — «Советская этнография», 1965, № 5, стр. 74—93, а также его статью в этом сборнике.

да; вик-мункан на п-ове Кейп-Йорк). В этом случае (если род патрилокален и патрилинеен) не принадлежат к данному роду (но являются членами общины) только жены мужчин. Но часто в одной общине находятся не только женщины, но и мужчины нескольких (от двух до двенадцати) родов (племена пустынь Запада, карадьери в Кимберли, некоторые племена западного Арnhemленда, йир-йоронт на п-ове Кейп-Йорк, тиви о-вов Мелвилл и Батерст). Наконец, общины могут состоять из одной, двух и более семей, связанных между собой лишь отношениями свойства (пинтуби и валбири Центральной Австралии, некоторые группы Арnhemленда) или иными типами отношений (те же валбири). Следовательно, и такие общины состоят из представителей разных родов. У валбири материнский и отцовский роды сосуществуют, причем ни один из них не является основой общины. В пределах ограниченной территории иногда наблюдается сочетание двух принципов образования общины — на основе локализованных родов и на основе отношений свойства (некоторые группы северного и центрального Арnhemленда).

На то обстоятельство, что род и община у австралийцев не тождественны и не совпадают полностью, обратил внимание еще С. А. Токарев, хотя он и допустил при этом известную непоследовательность. «При патрилинейном счете (следовательно, у северных и северо-западных племен) род, как правило, совпадал с локальной группой и, таким образом, отдельной общественной единицы не составлял, — пишет С. А. Токарев. — Но при матрилинейном счете (т. е. у племен южных, юго-восточных и восточных) положение было более сложно: так как брак у австралийцев был, как правило, „патрилокален“ и жена поселялась в локальной группе мужа, то, естественно, совпадения между локальной группой и родом быть не могло. Каждая локальная группа состояла из людей разных родов, и, наоборот, каждый род был как бы „рассеян“ между разными локальными группами»⁴⁸. Все, что здесь сказано о племенах с матрилинейным счетом родства, совершенно верно, но точно так же обстоит дело и в племенах с патрилинейным счетом родства. Ведь и в этом случае локальная группа состоит из людей разных родов, потому что роды экзогамны и люди одного рода не вступают в брак между собой. Следовательно, и патрилинейный род не может полностью совпадать с локальной группой. Локальность брака в данном случае значения не имеет.

9. Община, в отличие от рода, всегда является единым социально-экономическим коллективом, и конкретные австралийские материалы еще раз показывают правильность постулированного в начале статьи тезиса. Правда, патрилинейный тотемический род во многих случаях (даже там, где он не локализован) считается

⁴⁸ «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 166.

владельцем общинной земли (аранда, племена в пустынях Запа- да и в районе Порт-Китса, частично йир-йоронт). Однако земля находится в пользовании общины, а не рода. Хотя жены мужчин, пришедшие из других общин, как указывают некоторые авторы, номинально не приобретают прав на землю общины мужа⁴⁹, фактически они вместе с мужчинами участвуют в эксплуатации естественных ресурсов на этой земле. В первобытной общине мужчины и женщины экономически равноправны. Таким образом, община, в отличие от рода, является не только единым хозяйственным коллективом, но и фактическим (а не номинальным) владельцем земли.

У зарубежных ученых наблюдается тенденция связывать происхождение родовой собственности на землю с наличием на этой земле центров родовых тотемических культов. В действительности, хотя связь между собственностью на землю рода (еще раз подчеркнем — номинальной, а не фактической) и расположенными на этой земле родовыми святилищами и существует, причинная зависимость здесь иная. Не потому возникает собственность на землю, что на ней расположены родовые святилища. Последние возникли на ней потому, что община и являющийся ее основой род некогда обосновались на этой земле как на своей охотничье-собирательской территории. В тотемизме, по удачному выражению С. А. Токарева, «своеобразно отразилось чувство, или сознание, неразрывной связи первобытной общины с ее территорией, с землей»⁵⁰. Матрилинейный род, насколько известно, никогда не выступает подобно патрилинейному роду в качестве собственника земли — даже номинального.

По словам П. Шебесты, у африканских пигмеев, как и у австралийцев, основной экономической ячейкой является именно община, а не род. Тотемический род, члены которого находятся в разных общинах, «почти не имеет значения в хозяйственном отношении... Общество цементируется не кровным родством, а совместным ведением хозяйства», а последнее является функцией общины, а не рода⁵¹. Община, состоящая из представителей разных родов (там, где родовая организация не исчезла в силу каких-либо причин), является классическим хозяйственным коллективом у всех первобытных охотников и собирателей.

10. Там, где члены одного локализованного рода составляют основу общины, браки, как правило, заключаются за пределами общины, и это естественно, ибо род экзогамен. В остальных случаях браки могут заключаться как вне, так и внутри общины, причем чем община многочисленнее, тем выше процент браков, заключаемых внутри нее. В общинах валбири, насчитывающих несколько сот человек, количество браков, заключаемых внутри

⁴⁹ L. R. Hiatt. Op. cit., p. 285.

⁵⁰ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 32.

⁵¹ P. Schebesta. Die Bambuti-Pygmäen von Ituri, Bd. II (2), Brüssel, 1948, S. 289.

общины, даже несколько превосходит количество браков вне общины. Это еще раз показывает недопустимость смешения рода как группы, в которой браки запрещены, и общины, в которой они возможны. Род и община как общественные институты относятся к разным сферам человеческой деятельности. Община — прежде всего экономический институт. Род в целом лишен экономических функций.

11. Австралийские общины, как правило, патрилокальны. Это связано с условиями их жизни, особенностями хозяйства. У австралийцев труд мужчин и женщин одинаково необходим для жизни общины. Женщины снабжают общину растительной пищей даже более регулярно, чем мужчины охотничьей добычей, зато последняя как более калорийная ценится выше. Но хотя женщины и должны знать места произрастания съедобных растений, все же мужчинам необходимо более детальное знание местности, на которой они охотятся. Поэтому для общины, с точки зрения ее благосостояния, важнее, чтобы мужчины, вступая в брак, оставались на территории, хорошо знакомой им с детства. Поэтому патрилокальные браки у австралийцев значительно более распространены чем матрилокальные. Этим объясняется и руководящее общественное положение мужчин — ведь мужчины составляют ядро общины, связанное с общинной землей не только экономическими, но и, как следствие и выражение этого, тотемическими узами, тогда как женщины уходят в другие общины или приходят из других общин. Кроме того, руководящее положение мужчин связано с социальной ролью охоты: дело не только в том, что охота требует хорошо организованных форм труда, но и в том, что охотничья добыча распределяется значительно шире, чем продукты женского собирательства, предназначенные прежде всего для своей семьи. Наконец, важным фактором, укрепляющим руководящее положение мужчин, является то, что в их руках находится производство основных средств труда — каменных орудий, которыми они и распоряжаются по своему усмотрению⁵².

Такими же, как австралийцы, типичными первобытными охотниками и собирателями являются пигмеи бамбути, обитающие в бассейне Конго. Они живут общинами, состоящими из нескольких семей. Всей жизнью общин руководят старшие мужчины. По мнению самих бамбути, руководящее положение мужчин связано с их охотничьей деятельностью. Хотя мясная пища составляет здесь лишь 30% ежедневного рациона, она ценится выше, чем другие виды пищи, кроме бананов. Бананы, а также железные наконечники и ножи бамбути получают от негров-земледельцев в обмен на мясо. Женщины-собирательницы, как и в австралийском обществе, добывают количественно больше пищи, чем муж-

⁵² Подробнее об этом см. В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев. — «Труды Института этнографии», т. LXXX, 1962, стр. 68.

чины, но все же вклад мужчин рассматривается как более важный. Мужчину также уважают и ценят как воина и защитника общины. Положение женщин у бамбути, впрочем, сравнительно высокое. У охотников-бамбути в настоящее время преобладают патрилокальность и отцовский род⁵³. Таким образом, и патрилокальность, и руководящее положение мужчин связаны у бамбути, как и у австралийцев, в значительной мере с их охотничьей деятельностью. Руководящее положение старших мужчин не следует, однако, смешивать с «властью стариков», «геронтократией».

В аналогичных австралийским условиях живут и бушмены. После обязательного у них (как и у некоторых австралийских племен) временного пребывания супружеской пары в общине родителей жены, мужчины в большинстве случаев возвращаются со своими семьями в свои общины. Они сами объясняют это тем, что на чужой охотничьей территории мужчина-охотник не чувствует себя так же уверенно, как на своей, хорошо знакомой ему с юных лет. Всю свою юность охотник посвящает изучению своей охотничьей территории, без чего успешная охота невозможна⁵⁴. «Если судить по охотничьей деятельности бушменов, первобытные охотники знали все тропы, все ущелья и переходы, по которым передвигались стада диких животных в поисках пастбищ, и держали их под неослабным контролем»⁵⁵. Объяснение, даваемое самими бушменами,— одно из наиболее убедительных объяснений преобладания патрилокальности у охотничьих народов.

В патрилокальных общинах австралийцев иногда наблюдается (как у бушменов) временная (до- или послебрачная) матрилокальность (пинтуби, тиви, частично валбири, мурнгин). Некоторые исследователи склонны рассматривать этот обычай как пережиток материнско-родовых институтов. В действительности обычай временной или постоянной матрилокальности, как и обычай делиться охотничьей добычей с родичами жены, объясняется отношениями, существующими в настоящее время, в том числе и в отцовско-родовых общинах.

Методом исследования пережитков, который при умелом пользовании может быть очень полезным, часто злоупотребляют. Пережитками следует считать лишь те явления, которые необъяснимы из структуры данного общества. Подходя так к различным явлениям культуры, мы обнаруживаем, что значительная часть так называемых «пережитков» вполне объяснима теми условиями и отношениями, которые существуют в обществе в настоящее время. Например, такие явления, как авункулат, левират, сорорат, нет никакой необходимости обязательно связывать с

⁵³ J. de Leeuw. On former gynecocracy among African pygmies.—*Acta Ethnographica*, т. II (1-2), 1962, p. 85—118.

⁵⁴ L. Marshall. *Op. cit.*, p. 339.

⁵⁵ С. А. Семенов. Очерк развития материальной культуры и хозяйства палеолита.— В кн. «У истоков человечества». М., 1964, стр. 179.

материнским родом или групповым браком, как это часто делают. Так, левират совсем не обязательно рассматривать в качестве пережитка группового брака. Этот обычай, вследствие которого женщина и после смерти мужа остается в его общине, выходя замуж за одного из его братьев, вполне объясним экономической ценностью женского труда для общины ее мужа, в том числе и для первобытной общины. Авункулат может возникнуть в результате экономических и социальных связей двух общин, в том числе и отцовско-родовых. Брат матери выступает в этом случае как представитель и защитник женщины своей общины. Это помогает понять происхождение австралийского обычая, когда охотник обязан снабжать пищей свою сестру и ее детей (этот обычай существует, например, у патрилинейных и патрилокальных аранда). Рассматривать его как пережиток материнско-родовой организации, как иногда делают, нет никакой необходимости. Упомянутый выше обычай, когда охотник должен снабжать добычей родичей жены, иногда рассматривается как доказательство прежней матрилокальности⁵⁶. Такое его объяснение опровергается тем фактом, что он отсутствует там, где брак основан на обмене женами и где, следовательно, община, теряя одну женщину, немедленно приобретает новую⁵⁷. Таким образом, обязанность охотника снабжать добычей родственников жены является компенсацией ее общине, теряющей в ее лице рабочую силу. Матрилокальное поселение супругов в случае взаимно удаленного расположения общин (что при обширности охотничьих территорий бывает нередко) тоже не является пережитком прежней всеобщей матрилокальности⁵⁸. Оно объясняется тем, что в этом случае зять лучше всего сможет выполнять свои обязанности по отношению к тестю и другим свойственникам, т. е. снабжать их охотничьей добычей, если сам поселится в их группе. Этим же объясняется и обычай временной матрилокальности. Он как бы выражает борьбу двух начал — долга охотника перед своей общиной и перед общиной жены — и победу первого из них. Ни одно из этих начал не является «пережитком», они оба раскрывают одно из противоречий, свойственных первобытнообщинному строю. Иногда временная матрилокальность связана и с тем, что жена еще слишком молода для того, чтобы покинуть общину своих родителей.

К тем же выводам можно прийти, анализируя этнографические материалы и по другим областям земного шара.

12. Состав австралийских общин у многих племен непостоянен и текуч. Мужчина, сам или с семьей, может покинуть свою общину и присоединиться к другой. Чаще всего это происходит в пре-

⁵⁶ «Народы Австралии и Океании», стр. 169.

⁵⁷ B. Malinowski. Op. cit., p. 51.

⁵⁸ А это именно так обычно объясняют (см. «Народы Австралии и Океании», стр. 169—170).

делах определенной группы общин, где отдельные общины могли беспрепятственно добывать пищу на землях друг друга. Так, например, обстоит дело в небольших общинах пустынь Запада у карадьеры. Члены мелких подразделений больших общин валбири тоже свободно охотятся на землях друг друга и в этом отношении напоминают общины упомянутых выше племен, которые ведь тоже имеют тенденцию составлять временные крупные объединения. Ту же картину мы наблюдаем и в других частях Австралии, например в западном и центральном Арnhemленде, у мурнгин. Вероятно, мы здесь имеем дело с определенной закономерностью, свойственной одной из ранних стадий образования племен из группировок первобытных общин.

Таковы главные выводы, вытекающие из систематического рассмотрения изложенных выше материалов. Выводы эти характеризуют общину австралийских аборигенов как основную структурную единицу этого общества. Но они имеют, несомненно, более общее значение.

Любое явление необходимо изучать с учетом конкретных условий места и времени. Различные природные условия по-разному влияют на относительную плотность населения и относительную его подвижность, на численность общин и размеры их земель, на особенности хозяйственной деятельности. Кроме природных условий, на характер общин тех или иных народов влияют различные исторические обстоятельства. Возможно, например, что эскимосы и бушмены утратили свою родовую организацию в процессе освоения бескрайних просторов Севера и пустынь Южной Африки, тогда как у австралийцев эта организация сохранилась. Возможно, что длительное существование пигмеев бассейна Конго в непосредственном соседстве с более развитыми в социально-экономическом отношении банту также наложило печать своеобразия на культуру первых, тогда как австралийцы до конца XVIII в., а местами и значительно позднее находились в условиях относительной изоляции.

Есть ли основание утверждать, что те особенности австралийских общин, о которых говорилось выше, не сложились под воздействием европейской колонизации? Какие формы принимает общинная организация австралийцев там, где такое воздействие бесспорно имеется?

Отвечая на эти вопросы, нужно обратить внимание, во-первых, на то, что все рассмотренные выше этнические группы австралийцев ко времени их изучения были затронуты влиянием колонизации в сравнительно небольшой степени или вообще им не затронуты. Во-вторых, в тех случаях, когда это было необходимо, исследователи реконструировали, главным образом по рассказам самих аборигенов, прежние традиционные отношения, в значительной мере отражающие еще «доконтактное» состояние. Наконец, мы имеем полную возможность наблюдать сейчас в Австралии многочисленные примеры общин, меняющихся или складываю-

шихся заново под прямым воздействием европейской колонизации, и, таким образом, можем увидеть воочию, в каких формах выражается это воздействие. Формы эти можно сгруппировать в три категории или три типа, причем каждый тип будет отражать воздействие новых условий, привнесенных колонизацией, во все большей степени.

Примером новых общин первого типа могут служить общины племени йир-йоронт, которые Л. Шарп посетил вторично в конце 1940-х годов. Структура этих общин остается еще прежней, традиционное охотничье-собираческое хозяйство — все еще основной вид их хозяйственной деятельности, но во внутриобщинных отношениях (в отношениях между родителями и детьми, мужчинами и женщинами, старшим и младшим поколениями) произошли уже заметные сдвиги. Произошли они, как указывает Шарп, вследствие того, что аборигены начали часть своего времени посвящать работе на миссию, получая за это железные топоры, которые полностью вытеснили прежние каменные. Конечно, влияние миссии не ограничилось только введением новых орудий. Каковы оказались формы новых взаимоотношений внутри общины и отношения между общинами, показывает исследование Шарпа. Важно отметить, что это уже совсем не те отношения, что были свойственны для йир-йоронт и многих других племен в прошлом⁵⁹.

Общины второго типа все еще состоят из однородного по своему составу населения, но уже почти полностью перешедшего к оседлости и к новым способам добывания средств существования. Вследствие этого характер внутриобщинных отношений изменился в еще большей степени. Примером могут служить общины тиви в том виде, в каком они существуют теперь. На протяжении последних 20 лет в жизни тиви произошли большие перемены. Раньше тиви были почти изолированы от внешнего мира и вели традиционный образ жизни бродячих охотников и собирателей. Но затем на острове появились миссионеры, и постепенно, одна за другой, все общины перешли на оседлость и сконцентрировались вокруг миссии и двух правительственных станций, где и работают теперь по найму. В прошлом у тиви (как и у многих других австралийских групп) была двойная филиация: принадлежность к общине передавалась по отцовской линии, а к тотемическому роду — по материнской. Но значение материнского тотемического рода в общественной и экономической жизни было незначительным, и на первый план выступали отношения, связанные с отцовско-правовой общиной, доминировавшей в общественной жизни и экономике. С переходом к оседлости значение кочевых охотничьих общин со свойственными им отцовско-правовыми отношениями было совершенно

⁵⁹ Подробнее об этом см.: В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев, стр. 103, 104.

подорвано, зато значение материнских тотемических родов в новых условиях соответственно возросло, так как сознание родовой принадлежности по материнской линии сохранилось. Произошло своеобразное и довольно парадоксальное на первый взгляд явление — отцовско-правовые отношения, игравшие в прошлом большую роль в жизни тиви, исчезли, а материнско-родовые сохранились и даже усилились⁶⁰.

Как известно, аналогичное явление произошло в Южной Америке (в Чили) с арауканами, только здесь в силу иных условий и результаты были противоположными. В прошлом у арауканов сосуществовали две системы родства, отцовская и материнская. Этим их родовая организация напоминала родовую организацию многих австралийских групп, хотя уровень развития арауканов в целом был неизмеримо выше. Счет родства, поскольку он был связан с наследованием тотема, велся по линии матери, и все лица, принадлежавшие к одному тотему, составляли экзогамный материнский тотемический род, не совпадавший с общиной, являвшейся хозяйственным объединением. Община состояла из представителей нескольких тотемических родов и была отцовско-правовой. Брак был патрилокальным. В период, последовавший за испанским завоеванием, отцовско-правовая община как экономическое единство сумела укрепиться, и значение материнского тотемического рода соответственно упало⁶¹.

Вариантом общин второго типа являются кооперативы аборигенов, возникающие теперь в разных местах Австралии. Примером может служить кооператив в Пиндане (вблизи Порт-Хедленда, Западная Австралия)⁶².

Третий тип — это общины, состоящие из смешанного по своему происхождению населения, составленного из представителей разных племен, осевших вблизи миссионерских станций или ферм. Численность и состав таких гетерогенных общин постоянно меняются. Их описание мы находим, например, в статье Х. Петри, посвященной новым общинам Северо-Западной Австралии⁶³.

Важнейшая особенность всех этих типов общин, складывающихся под воздействием европейской колонизации, состоит в том, что традиционные отношения в них постепенно исчезают и замещаются совершенно новыми: преобразуются или исчеза-

⁶⁰ A. P. Pilling. A historical versus a non-historical approach to social change and continuity among the Tiwi.— «Oceania», vol. XXXII, 1962, p. 321—326. Сохранение материнского рода в обществах, находящихся под влиянием колонизации или иных общественных структур, резко отличных от данного общества, не представляет собой чего-либо исключительного. Но в этом примере интересно не только сохранение материнского рода, но и усиление его роли за счет исчезающих отцовско-правовых отношений.

⁶¹ «Народы Америки», т. 2. М., 1959, стр. 368—371.

⁶² В. Р. Кабо. Современное положение аборигенов Австралии.— «Советская этнография», 1962, № 5, стр. 66, 67.

⁶³ H. Petri. Gibt es noch «unberührte» Wildbeuter im heutigen Australien? — «Baessler-Archiv», Bd. 10, H. 2, 1963, S. 291—308.

ют родовые связи, коренным образом меняется вся система социально-экономических и правовых отношений. В то же время в производственных кооперативах аборигены находят применение традиционным навыкам коллективного труда и взаимопомощи.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что австралийская первобытная община в том виде, как она была охарактеризована, сложилась не под влиянием европейской колонизации, а самостоятельно.

Первобытные общины, подобно любым общественным формам, проходят последовательные фазы развития. В этих фазах отражается и развитие производительных сил, и связанное с этим развитие социально-экономических отношений, и изменение исторических условий — миграции, влияние соседней и т. п., — и изменение естественно-географической среды, которая воздействует на общество тем сильнее, чем оно менее развито. Можно предполагать, что известную роль сыграли постепенное изменение климата на протяжении нескольких тысячелетий, следовавших за ледниковым периодом, и рост населения, а также связанный с этим процесс заселения континента.

Важным, но для изучения истории австралийской общины еще почти не использованным материалом остаются письменные источники XVIII—XIX вв. — отчеты и сочинения путешественников, чиновников, миссионеров, исследования ученых. Эти источники могут дать нам сведения, помогающие в какой-то мере осветить историю австралийской общины в период колонизации, подобно тому, как они были использованы для реконструкции форм родовой организации австралийцев (например, в работах советского исследователя Е. Ю. Кричевского).

Знакомство с этими материалами приводит нас, однако, к убеждению, что на всем протяжении колониального периода, т. е. с конца XVIII в., характер австралийских первобытных общин, еще не подвергшихся разрушительному воздействию колонизации, в существенных чертах был таким же, каким он выступает и в использованных нами материалах XX в. Постулируемые нами изменения в характере австралийских общин относятся, по-видимому, к предшествующим столетиям и связаны с процессом этногенеза австралийцев.

Большой интерес в этом отношении представляют сообщения тех, кому пришлось впервые проникнуть в неисследованные области Австралии и встретить там аборигенов, еще не видевших белого человека и ведущих традиционный образ жизни. Эти люди, правда, не были этнографами, они были просто бесхитростными наблюдателями, которые сообщали о том, что видели. Структура австралийских общин была для них книгой за семью печатями, поэтому они нередко называют группы аборигенов, которые им пришлось наблюдать, семьями

или племенами. Но за этими терминами часто угадывается именно община.

Таковы, например, дневники Дж. Оксли, который в 1817—1818 г. совершил два путешествия в почти еще неисследованные области Нового Южного Уэльса⁶⁴. Из его книги мы узнаем о том, что экспедиция его часто встречала на своем пути отдельные семьи аборигенов, бродящих в поисках пищи. Поэтому у него создалось определенное впечатление, что внутренние области Нового Южного Уэльса населены отдельными, разбросанными семьями аборигенов. То он пишет о встрече с двумя семьями, то о встрече с семьей, состоящей из мужчины, двух женщин и троих детей. В одном месте он обнаружил небольшое становище, в котором было семеро мужчин (женщины и дети при приближении белых людей скрылись), в другом — становище, в котором было около 20 мужчин, не считая женщин и детей, в третьем — группу из 8 женщин и 12 детей (мужчины куда-то ушли — в лагере оставались их копыя и щиты), в четвертом — становище, в котором было 8 или 9 мужчин (женщины и дети спрятались). Наконец, он встретил группу в 30 человек мужчин, женщин и детей. А на побережье ему встретилась группа, состоящая из 70 мужчин и женщин всех возрастов, занимавшихся рыбной ловлей⁶⁵. И здесь Оксли обнаружил определенную закономерность в расселении аборигенов: в то время как для внутренних, удаленных от моря областей, были характерны встречи лишь с небольшими группами или даже отдельными семьями, на побережье, в области, изобилующей различными видами пищи, группы аборигенов были гораздо многочисленнее. И мы имеем основание полагать, что как те, так и другие группы являются общинами, в численности которых, как мы это знаем уже по позднейшим сообщениям, всегда наблюдается определенная изменчивость, связанная с экологическими условиями.

О том же сообщают и другие путешественники. Дж. Эванс, посетивший внутренние области Нового Южного Уэльса за два года до Оксли и бывший здесь первым европейцем, тоже пишет о встречах с очень небольшими группами аборигенов, состоявшими из нескольких человек⁶⁶. О встречах с такими же небольшими группами в центральных и западных областях Австралии пишет П. Уорбертон⁶⁷. О том же сообщает Дж. Форрест, который в 1874 г. пересек континент с запада на восток⁶⁸. В другом

⁶⁴ J. Oxley. Journals of two expeditions into the Interior of New South Wales. London, 1820.

⁶⁵ Ibid., p. 117, 118, 211, 220, 221, 223, 225, 236, 237, 290, 342, 343, 347.

⁶⁶ K. Fitzpatrick. Australian explorers. A selection from their writings. London, 1959, p. 48, 49

⁶⁷ Ibid., p. 409—417, 424, 425, 433.

⁶⁸ Ibid., p. 449.

месте он же пишет о встрече с группой в 60—70 человек⁶⁹. Ч. Стерт, который в 1829—1830 гг. исследовал течение Муррея от места его слияния с Дарлингом (которое он открыл) до устья, пишет о встречах с большими группами аборигенов⁷⁰, и это не удивительно, так как области, исследованные им, были издавна сравнительно густо населены.

Дж. Грей, который исследовал Северо-Западную и Западную Австралию в 1837—1839 гг., пишет о сезонности кочеваний австралийских общин, находящейся в зависимости от времени созревания съедобных растений, об индивидуальных и коллективных способах охоты⁷¹.

Капитан Кинг, который во время своего плавания в 1818—1822 гг. видел аборигенов Северной и Западной Австралии, живущих отдельными небольшими группами⁷², приводит также свидетельство В. Дампира, побывавшего у западных берегов Австралии в 1700 г. и сообщившего о том, что аборигены живут группами в 20—30 человек⁷³.

Воспоминания беглого каторжника У. Бакли рисуют жизнь аборигенов Виктории также еще до колонизации. Он бежал с каторги в 1803 г. и провел среди аборигенов 32 года. Все, что он рассказывает, предстает поэтому очень большой интерес. А говорит он о том, что аборигены этой области, отличающейся хорошим климатом и изобилием дичи и растительной пищи, жили все же небольшими общинами, состоящими из нескольких семей, которые бродили в поисках пищи по территории племени. Внутри общин существовало половое разделение труда — мужчины охотились, женщины занимались собирательством. По временам общины объединялись, чтобы совместно совершить какие-либо обряды, а затем снова расходились в разные стороны. Состав их иногда менялся в зависимости от обстоятельств. Иногда поиски пищи происходили на территориях дружественных общин с согласия последних. Охота на кенгуру нередко велась коллективно, загоном. Каждое племя было собственником участка земли, а внутри его отдельные охотничьи угодья находились в пользовании общин. Межплеменные связи были очень развиты, в том числе и с целью обмена. Племя, по словам Бакли, состояло из 20—60 семей. Брак был полигамным — многие мужчины имели несколько жен. Опытным, способным мужчинам-охотникам принадлежала в общине руководящая роль⁷⁴.

⁶⁹ K. Fitzpatrick. Australian explorers..., p. 453.

⁷⁰ Ibid., p. 114, 115.

⁷¹ G. Grey. Journals of two expeditions of discovery in North-West and Western Australia, vol. 2. London, 1841, p. 267—273, 297.

⁷² P. P. King. Narrative of a survey of the Intertropical and Western coasts of Australia (1818—1822), vol. 2. London, 1827, p. 140, 141.

⁷³ Ibid., p. 96.

⁷⁴ J. Morgan. The life and adventures of William Buckley. Hobart, 1852; немец. яз.: W. Buckley. Ein australischer Robinson. Leipzig, 1964, S. 80—86, 100, 125.

Одна из первых групп аборигенов, которую встретил в 1835 г. Дж. Ллойд в районе залива Порт-Филлип (Виктория), на еще не освоенном белыми поселенцами берегу Австралии, состояла из 20 женщин и 24 детей (мужчины, видимо, отсутствовали), другая группа насчитывала 55 мужчин, женщин и детей⁷⁵.

Т. Петри, воспоминания которого относятся к Квинсленду начала XIX в., пишет о патрилинейности и патрилокальности брака у аборигенов⁷⁶. Оба эти явления, следовательно, существовали в Австралии еще до колонизации. Пишет он и об обычае временной матрилокальности, когда охотник после заключения брака на время переходит в общину жены⁷⁷, о полигамии, о половом разделении труда, о коллективных охотах, о том, что каждое племя имеет собственную территорию и никогда не охотится на территории соседнего племени без разрешения. То же самое относится и к подразделениям племени — общинам⁷⁸. О полигамии и об общинной собственности на землю пишет Н. Огле, сообщения которого относятся к тому же времени, но к противоположной части континента — Западной Австралии⁷⁹. Здесь, по словам Дж. Орда, обычное право строго охраняло общинную собственность на охотничьи угодья⁸⁰.

Дж. Хитон в своей книге об аборигенах Восточной Австралии рассказывает о том, что спустя 6 месяцев после прибытия первых колонистов в район Сиднея, т. е. еще в конце XVIII в., они часто встречали отдельные семьи, живущие на берегу и занимающиеся рыбной ловлей и собиранием моллюсков⁸¹. Были ли это действительно семьи или же небольшие группы семей — общины, — этого, конечно, колонисты сказать не могли. Он пишет о том, что право собственности на племенные территории строго охранялось⁸². Поэтому европейцы не вытеснили аборигенов с их земель во внутренние области материка, как об этом часто пишут, — они их просто уничтожили. Внутренние области были населены так же, как и побережье, хотя население там было более редкое. «Черных нельзя было согнать с их земель во внутренние области страны, — пишет Хитон, — потому, что они встре-

190 и. а.; русск. перев.: У. Б а к л и. Австралийский Робинзон. М., 1966, стр. 30, 32, 33, 40, 42, 45, 52 и сл.

⁷⁵ G. T. Lloyd. *Thirty three years in Tasmania and Victoria*. London, 1862, p. 309—311.

⁷⁶ C. C. Petrie. *Tom Petrie's reminiscences of early Queensland (1837), recorded by his daughter*. Brisbane, 1904, p. 60.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 137.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 61, 117 а. о.

⁷⁹ N. Ogle. *The colony of Western Australia*. London, 1839, p. 61, 62.

⁸⁰ H. S. G. Ord. *A brief account of the natives of Western Australia*. Perth, 1879, p. 4.

⁸¹ J. H. Heaton. *On the origin, the manners, customs, and institutions, and the annihilation of the aborigines of Australasia*. London, 1882, p. 28.

⁸² *Ibid.*, p. 19.

тили бы там другие племена. Следовательно, им не оставалось ничего другого, как умереть»⁸³.

Г. Мелвилл и С. Ньюленд тоже пишут о том, что каждое племя Нового Южного Уэльса имело свою территорию, границы которой были четко очерчены⁸⁴. То же самое было и у тасманийцев⁸⁵.

В сообщениях А. Мейера, относящихся к Южной Австралии, содержится указание на существование локальных групп, «более или менее связанных брачными узами»⁸⁶. Каждая группа имела свою охотничье-собирательную территорию. Добывая пищу, племя делилось на более мелкие группы. По словам Мейера, имя ребенку давал отец, брак был патрилокальным. Как и многие другие авторы XIX в., Мейер пишет о половом разделении труда, о многоженстве⁸⁷.

К Южной Австралии относятся и сведения К. С. Тихельманна — миссионера, который жил среди аборигенов в начале XIX в. в течение двух лет. Он рассказывает о том, что основной социальной единицей у аборигенов являются «большие семьи, или группы родственников» (по-видимому, имеются в виду общины). Несколько таких групп говорят на одном языке и образуют, таким образом, то, что называется австралийским племенем, т. е. группу общин, связанных главным образом общностью языка. Такое объединение имеет собственную территорию, границы которой нарушать не принято. Подобно многим другим авторам прошлого века, Тихельманн подчеркивает, что никаких вождей у австралийцев нет⁸⁸.

Таков характер сведений, которые можно почерпнуть из сочинений XIX в., написанных, правда, не этнографами, но зато содержащих данные об аборигенах, жизнь которых еще совершенно не была нарушена каким-либо вмешательством извне. Можно приводить все новые и новые факты, но они будут более или менее повторять друг друга. Авторы приводимых выше сообщений не были в состоянии проникнуть достаточно глубоко в социальную и духовную жизнь аборигенов, не могли проследить сезонность, цикличность колебаний размеров общин, соотношение общины и рода, но то, о чем они пишут, не вносит чего-либо принципиально нового в ту картину общинной жизни аборигенов Австралии, которую развернули перед нами авторы XX в.

⁸³ J. H. Heaton. Op. cit., p. 30.

⁸⁴ H. Melville. Australasia and prison discipline. London 1851, p. 114; S. Newland. The Parkengees, or aboriginal tribes on the Darling river. Adelaide, 1889, p. 14.

⁸⁵ H. Melville. Op. cit., p. 346.

⁸⁶ H. E. A. Meyer. Manners and customs of the aborigines of the Encounter Bay tribe, South Australia. Adelaide, 1846, p. 1.

⁸⁷ Ibid., p. 4, 5.

⁸⁸ C. G. Tiechelman. Aborigines of South Australia. Illustrative and explanatory notes of the manners, customs, habits, and superstitions of the natives of South Australia. Adelaide, 1841, p. 6, 7.

Эти сочинения прошлого столетия интересны еще и в том отношении, что они в большинстве своем относятся к тем областям Австралии, где аборигенов теперь уже нет, а если они и есть, то уже давно не ведут жизнь бродячих охотников и собирателей. И вот оказывается, что жизнь этих ныне исчезнувших групп ни в чем существенном не отличалась от жизни аборигенов XX в., сохраняющих еще старый охотничье-собирательский кочевой уклад. Различия между теми и другими обусловлены главным образом различиями в природных условиях и плотности населения — оба эти фактора в совокупности определяют размеры территорий, численность локальных групп и относительную их подвижность.

Авторы прошлого века, правда, чаще нынешних, подчеркивают четкую очерченность общинных (или племенных) территорий и охраняемую обычным правом святость этих границ, нарушение которых вело к столкновениям. Но, вероятно, это объясняется тем, что приводимые нами сведения относятся в основном к тем областям Австралии, плотность населения которых была выше, чем плотность его там, где аборигены живут теперь. Отсюда и относительная ограниченность естественных ресурсов в первом случае, приводящая к отмеченным выше явлениям. Но и авторы прошлого века пишут о том, что каралось только произвольное нарушение границ — посещения чужих территорий по взаимному согласию имели место, видимо, так же часто, как и теперь. В основных чертах общины XIX и XX вв. выступают тождественными.

Первобытная община как форма организации совместного хозяйства коллектива возникла вместе с возникновением первобытного производства и была первой хозяйственно-экономической ячейкой человеческого общества. Скорее всего, род как форма организации семейно-брачных отношений складывался одновременно и параллельно с возникновением общины, и по мере его возникновения ранние общины, видимо, создавались на основе локализованных родов, но включали и представителей других родов, пришедших в общину по браку. Можно полагать, что общины, сложившиеся на основе локализованных родов, исторически предшествовали общинам, включающим в свой состав представителей нескольких разных родов (как женщин, так и мужчин), но это лишь логическое допущение.

Можно ли, исходя из этих теоретических предпосылок, рассматривать различные типы австралийских общин как стадии развития первобытной общины? Можно ли австралийские общины, сложившиеся на основе локализованных родов, считать более архаичными, чем общины, включающие в свой состав представителей нескольких родов (как женщин, так и мужчин)?

Пытаясь ответить на этот вопрос, следует иметь в виду, что по многим остальным признакам общины первого типа не более

архаичны, чем общины второго типа. Речь идет прежде всего о таких ведущих признаках, как уровень развития производительных сил и производственных отношений. Ведь находим же мы на п-ове Кейп-Йорк живущих почти бок о бок и мало чем отличающихся друг от друга вик-мункан, у которых род является основной общины, и йир-йоронт, общины которых состоят из женщин разных родов и мужчин нескольких родов. У тиви о-вов Мелвилл и Баерст, находившихся в условиях большей изоляции, чем многие другие австралийские племена, такие же общины, как и у йир-йоронт. А общины более развитые в культурном отношении, например у муринбата и других групп Арnhemленда, сложились на основе локализованных родов. Словом, австралийские общины, состоящие из представителей нескольких родов (как женщины, так и мужчин) и даже включающие в свой состав неродственников, по основным, ведущим, экономическим показателям, не представляют собой более позднего этапа развития первобытной общины, чем общины, сложившиеся на основе локализованных родов. Точнее, и те, и другие общины австралийских аборигенов представляют собой самые ранние из известных этнографии форм общины.

Следовательно, сами по себе формы соотношения общины и рода или факт включения в состав общины неродственников еще ничего не говорят об уровне развития общины, о степени ее разложения. Скорее всего, эти явления говорят о другом — о пластичности, гибкости родовой организации, о ее приспособляемости к меняющимся условиям. Родовая организация развивается, как и все общество в целом. Австралийское общество — это общество раннеродовое, здесь родовая организация проходит ранние фазы своего развития. Поэтому она еще особенно неустойчива, аморфна, подвержена воздействию меняющихся условий. А в особенно неблагоприятных экологических условиях, способствующих атомизации общества, распаденю его на мелкие группы, родовая организация имеет тенденцию к полному исчезновению с тем, чтобы снова возродиться в более благоприятных условиях. У австралийцев родовая организация не исчезла полностью даже в пустынях Центральной и Западной Австралии, но возможно, что это произошло у бушменов и эскимосов. Растворяясь в нескольких общинах, род, как это нередко бывает у австралийцев, продолжает сохранять на определенной территории центры родовой тотемического культа, рассматривая эту территорию как свою «собственность» (разумеется, не в экономическом смысле).

Родовая организация австралийцев не составляет предмета настоящего исследования, и о ней шла речь лишь попутно, в связи с австралийской общиной. Однако важно заметить, что для австралийцев одинаково характерны и материнский, и отцовский род, а местами тот и другой сосуществуют в одних и тех же об-

шинах. Открытие у австралийцев и многих других отсталых народов обеих форм рода, а у многих австралийских племен (валбири, тиви и других) их сосуществования свидетельствует, во-первых, об устарелости все еще довольно распространенного представления, что отцовский род возникает лишь на стадии разложения родового строя, и, во-вторых, об устарелости и схематизме другого, связанного с первым, представления, что член первобытной общины может принадлежать только к материнскому или отцовскому роду. В действительности он может одновременно принадлежать к двум родам, материнскому и отцовскому, каждый из которых, помимо главной его функции — организации семейно-брачных отношений, — связан еще с иными социальными функциями. Так, например, принадлежность к роду может выражать физиологическую связь человека с матерью и ее родом, связь его с общиной, в которой он родился и к которой принадлежит его отец, отношение человека к тотемистическому сообществу, объединенному общностью культа, и т. д. Проблема эта должна стать предметом особого исследования и здесь нет возможности рассмотреть ее во всем объеме. Необходимо только еще раз подчеркнуть, что и отцовский, и материнский род одинаково свойственны раннеродовому обществу, типичным образцом которого является общество австралийских аборигенов, и что обе формы рода известны на всех этапах развития родового строя.

Возможно, что материнский род возник раньше отцовского, что это наиболее древняя форма рода. Аргументы в пользу этого мнения приводились в этнографической литературе в большом количестве. Но и возникновение отцовского рода относится, несомненно, к глубокой древности, к одной из ранних фаз в развитии родового строя. Во всяком случае, возникновение локальных групп с отцовским родом у австралийцев ни в коей мере не обусловлено колонизацией, как полагает, например, С. П. Толстов⁸⁹. Выше говорилось о том, что отцовский род присущ первобытным австралийским общинам, сложившимся независимо от колонизации, в результате спонтанного развития, и что в общинах, находящихся под воздействием колонизации, исчезает не только отцовский род, но и родовая организация вообще. И у австралийцев, и у других народов, стоящих на той же ступени общественного развития, отцовский род появился задолго до колонизации. Важно заметить, что у этих народов не возникла до сих пор и частная собственность. Следовательно, возникновение отцовского рода не связано с этими явлениями, оно относится еще к эпохе безраздельного господства первобытнообщинных отношений⁹⁰.

⁸⁹ С. П. Толстов. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии. — «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 108—110.

⁹⁰ Видно, неправы те, кто считает возможным отождествлять первобытную формацию только с материнско-родовой организацией. См., например, Ю. П. Аверкиева,

Одним из вероятных факторов, приведших к возникновению отцовского рода, является такой социальный институт, как парная семья, существование которой зафиксировано у всех отсталых народов и сложение которой относится, видимо, к глубокой древности. Семья предполагает наличие «социального» отцовства, а «социальный» отец хорошо известен и в том случае, если отсутствует понятие о физиологическом отцовстве. Давно было замечено, что у многих австралийских племен отсутствовало представление о физиологическом отцовстве, т. е. о физиологической роли отца в зачатии ребенка. Но это не мешало тому, что у них был широко распространен отцовский род. Отсутствие понятия о физиологическом отцовстве у австралийцев компенсировалось понятием социального отцовства. Отцом ребенка считался тот, кто живет с его матерью, снабжает пищей ее и ее детей. В северном Квинсленде, например, существовал обряд заключения брака, во время которого женщина получала пищу из рук ее будущего мужа. Акт принятия пищи рассматривался как причина зачатия ребенка, а мужчина, из рук которого женщина приняла пищу, рассматривался в дальнейшем как отец ребенка⁹¹. У тода (Индия) мужчина, наследуя вдову своего брата, становится законным отцом его детей, и они его называют «отцом». С другой стороны, ребенок может быть адаптирован (как это часто бывает в Океании), и между ним и приемными родителями устанавливаются такие же отношения, как между родителями и их собственными детьми. У всех народов, в том числе самых отсталых, семья как совокупность отношений между мужем и женой, родителями и детьми основывается прежде всего на разделении труда по возрасту и полу. Следовательно, она выступает прежде всего в своей социально-экономической функции, а не как чисто биологическая ячейка. Поэтому наряду с физиологической связью между матерью и ребенком даже у самых отсталых народов наблюдается социальная связь между ребенком и отцом, а это в свою очередь является одним из условий существования у них отцовского рода.

В австралийских общинах господствуют отношения равенства, сотрудничества, коллективизма. В то же время мужчины играют в них руководящую роль, что засвидетельствовано всеми, кто наблюдал жизнь австралийцев. Мужчинам принадлежит решающее слово во всех наиболее важных общественных делах, они контролируют общинную собственность в любой ее форме, в их руках находится обмен с другими группами, они руководят религиозно-обрядовой жизнью общины. Поэтому можно сказать, что широко распространенная у австралийцев отцовская филиация обусловлена, помимо социального отцовства, также патрило-

А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. Еще раз о месте матерьяского рода в истории общества.— «Советская этнография», 1963, № 3, стр. 200—205.

⁹¹ E. D. Vatter. Der australische Totemismus. Hamburg, 1925, S. 133.

кальностью и руководящим положением мужчин в общине. В то же время, естественно, всегда существовало понятие о физиологической связи ребенка с матерью, нередко осложненное тотемистическими представлениями⁹². Возможно, что сочетанием всех перечисленных выше факторов и объясняется сосуществование у австралийцев отцовского и материнского родов, связанных с различными социальными функциями.

Первобытная формация — наиболее длительная формация в истории человеческого общества. Вследствие неравномерности исторического развития некоторые народы до наших дней живут еще в условиях доклассового общества, подобно тому как существуют народы, живущие в условиях докапиталистических обществ. Критерием для определения той или иной общественной формации служит господствующий в данном обществе способ производства, а не историческая эпоха его существования⁹³. К числу народов, живущих еще в условиях доклассового строя, относятся и австралийцы. По ряду признаков, относящихся главным образом к сфере материального производства, австралийское общество лучше всего сопоставляется с эпохой мезолита. Признавая закономерные связи, существующие в любом обществе между экономическим базисом и социально-идеологической надстройкой, нужно признать, что отношения в австралийском обществе могут быть использованы для изучения отношений, существовавших в доклассовых обществах прошлого, а особенно в эпоху мезолита. Разумеется, при этом надо учитывать конкретные условия, определяющие специфические формы структуры и организации однотипных обществ в различные исторические эпохи и в разной географической среде. Следует помнить указание Маркса, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁹⁴.

⁹² Так, А. Элькин считает, что, в отличие от локальных групп, обычно патрилокальных и патрилинейных, «тотемические роды всегда матрилинейны по счету происхождения» (А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 53, 84, 90). Впрочем, обнаружив у австралийцев двойственность филиации (материнскую в роде и отцовскую в локальной группе), Элькин не смог понять сущности этого явления. Он заявил, что самой важной функцией австралийских локальных групп является их культовая роль и назвал их «культовыми родами». Между тем, уделив больше внимания материальным условиям жизни австралийских аборигенов, он, безусловно, сумел бы обнаружить, что культовая роль австралийских локальных групп, а также и свойственная им отцовская филиация вытекают из их социально-экономических функций.

⁹³ См. подробнее: П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев. История и социология. — «Коммунист», 1964, № 2, стр. 61—74.

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

Вопрос об использовании данных этнографии для реконструкции истории первобытного общества теснейшим образом связан с марксистским учением об общественных формациях. С учетом специфики, свойственной, с одной стороны, обществам далекого прошлого, с другой — австралийскому обществу, сопоставления между ними вполне допустимы. Более того, они необходимы, ибо без этого нельзя выйти за рамки изучения конкретных обществ, нельзя делать большие теоретические обобщения, нужные для выяснения законов общественного развития. Такие же сопоставления, с учетом особенностей исторического прошлого и условий жизни каждого народа, допустимы и необходимы и между различными современными народами, живущими в условиях одной общественной формации и находящимися примерно на одинаковом уровне общественного развития.

Иногда приходится читать о том, что австралийцы и другие отсталые в социально-экономическом отношении народы — наши современники и по ним, следовательно, нельзя судить о подлинной первобытности, что это «сравнительно редкое атипичное явление»⁹⁵. Конечно, эти народы нетипичны для более высоких уровней развития, но они в целом типичны для представляемого ими уровня.

Разумеется, и самыми отсталыми современными обществами пройден большой путь исторического развития, который исследователь должен учитывать. И все же этнограф-марксист не может, руководствуясь умозрительными представлениями о первобытности, объявлять «атипичными» любые этнографические факты и явления, фиксируемые в современных обществах, которые в эти представления не укладываются. Его долг — попытаться понять внутренний механизм этих обществ, попытаться выявить закономерные, причинные связи, определяющие их структуру. Если он руководствуется учением об общественных формациях, для него очевидно, что анализ общественной структуры, раскрытие отношений, существующих между экономическим базисом и социально-идеологической надстройкой в австралийском или другом находящемся на той же стадии развития обществе, проливает свет на отношения, существовавшие в любых обществах подобного типа, в какую бы эпоху они ни жили. Ибо общество, в марксистском понимании, не комбинация случайных элементов, а система, в которой все элементы объединены причинными и закономерными связями и ведущая роль принадлежит социально-экономическим институтам. Только на такой методологической основе этнография сможет по праву стать, наряду с археологией и антропологией, одной из составных частей науки о первобытном обществе.

⁹⁵ А. И. Першиц, Л. А. Файнберг, Н. Н. Чебоксаров. По поводу писем Н. А. Бутникова и В. Р. Кабо. — «Советская этнография», 1965, № 3, стр. 188, 190.

Маркс и Энгельс, как известно, считали возможным использовать этнографические материалы, в том числе и по современным австралийцам, как ценный источник для реконструкции прошлого народов, живущих уже в классовом обществе. Нужно встать фактически на путь отрицания единства социально-экономического развития человечества, чтобы при изучении австралийцев и других народов, живущих еще в доклассовом обществе, не использовать этот материал (разумеется, с обязательным учетом его специфики) для реконструкции прошлого всего человечества.

Австралийские этнографические материалы имеют первостепенное значение как источник для реконструкции первобытности. В течение многих тысяч лет, до конца XVIII в., австралийцы жили почти в полной изоляции от воздействия более развитых обществ. Кроме того, они населяли континент, где представлены всевозможные природные условия — тут и зона очень благоприятного для жизни умеренного климата, и влажные тропики, и горы, и пустыни, и саванны. Столь же, если не еще более, разнообразными, были природные условия, в рамках которых произошло развитие человечества в эпоху позднего палеолита, мезолита и раннего неолита. Ведь уже в позднем палеолите, как показывает археология, человечество было расселено на огромной территории от Западной Европы до Юго-Восточной Азии, территории, включавшей все разнообразие ландшафтов — от суровой приледниковой тундры, условия жизни в которой напоминали условия жизни современных эскимосов, до тропических лесов, в джунглях которых и ныне живут многие охотничьи народы.

По словам Энгельса, научный метод Моргана произвел «революцию во взглядах». В чем же состоит особенность этого метода? В том, что социальные институты современных отсталых народов рассматривались Морганом как источник для изучения истории первобытного общества. «Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»⁹⁶. Морган указал этнографии ее великую задачу: изучая отсталые в социально-экономическом отношении народы мира, их общественный строй и культуру, рассматривать все это как ключ к познанию прошлого всех народов мира.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 26. К этому хотелось бы добавить, что Энгельс, во многом опираясь на исследования Моргана, не относился к его выводам догматически; он указывал, что ценность и убедительность концепции Моргана проистекает прежде всего из того, что она обоснована солидным фактическим материалом, и предвидел время, когда «значительное расширение материала... заставит внести изменения» в нее (там же, стр. 28). Едва ли можно сомневаться в том, что это время уже наступило.

Но реконструируя прошлое с помощью этнографических материалов, необходимо руководствоваться строгими научными принципами. Прежде всего методологически неправильно привлекать для сравнения стадияльно неравноценные материалы. Этот недостаток, к сожалению, очень распространен в нашей литературе. Нельзя, например, характеризовать донеолитическое общество, находящееся на стадии присваивающего хозяйства, привлекая материалы из истории земледельческих обществ, переживших «неолитическую революцию» и перешедших к производству продуктов питания. Нельзя, следовательно, характеризовать раннеродовое общество охотников и собирателей, находящегося на стадии мезолита, с помощью материалов из истории, скажем, ирокезов. Зато использование австралийских этнографических материалов для изучения мезолитических обществ методологически оправдано.

Все сказанное относится и к изучению австралийской общины. Перед нами — первобытная охотничье-собираТЕЛЬСКАЯ община в ее конкретном (австралийском) варианте и в определенный исторический период. Задача настоящей статьи состояла в том, чтобы раскрыть сущность этой общины и дать ее характеристику. Некоторые ее черты, возможно, свойственны только австралийскому обществу, другие — общине любого народа, находящегося на соответствующем уровне развития. Следовательно, отношения, характерные для австралийской общины, с обязательным учетом специфики, свойственной австралийскому обществу, могут и должны быть использованы для освещения ранних форм общинной организации в другие эпохи и у других народов, находящихся (или находившихся) на том же уровне развития.

Какие же особенности австралийской первобытной общины имеют общее для ряда аналогичных обществ значение? Это прежде всего те, которые характеризуют общину как основной экономический институт, как фокус социально-экономических отношений. Это естественно сложившийся коллектив, наиболее естественная форма общественной жизни людей на заре их истории. Первобытная община является основным хозяйственным коллективом первобытного общества, субъектом собственности на землю и естественные ресурсы. Первобытной общине свойственны общинная собственность на землю и личная собственность на предметы, в которые вложен труд индивидуума, в том числе на орудия труда. Коллективная, общинная собственность на землю и естественные ресурсы является здесь результатом естественного единства производства и условий производства⁹⁷. Здесь уже существует и разделение труда — естественное (внутриобщинное) и географическое (межобщинное). Частной собственности еще нет.

⁹⁷ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 16, 17, 22—25.

Первобытные общины конституируются в основном на отношениях кровного родства и свойства, но им свойственны и отношения, не основанные на родственных связях. Род и община никогда не совпадают полностью. Члены общины, как правило, представляют несколько родов (минимум два), однако известны общества, стоящие на том же уровне развития, где нет родовой организации, — таковы бушмены, эскимосы, андаманцы и некоторые другие народы. То обстоятельство, что и эти народы живут общинами, подчеркивает важность, жизненную необходимость для них общинной организации. Величина общины охотников и собирателей зависит в значительной мере от экологических условий. С этими условиями связано и эпизодическое экономически самостоятельное существование отдельных семей, остальное время составляющих часть общины как единого производственного коллектива.

Все члены первобытной общины экономически равноправны. Первобытные общины охотников и собирателей, как правило, патрилокальны, что связано с особенностями их хозяйственной деятельности. В свою очередь, патрилокальность является одним из факторов, обуславливающих руководящее положение мужчин в этих обществах. О матриархате, постулируемом некоторыми авторами для ранних стадий первобытнообщинного строя, здесь, на этих стадиях, еще не может быть и речи. Материнский род и матриархат — это далеко не одно и то же. Не созрели здесь условия и для патриархата. Руководящее положение мужчин в первобытных общинах охотников и собирателей, так же, как и свойственные им отцовско-родовые отношения, не следует отождествлять с патриархатом. Ни матриархат, ни патриархат не являются стадиями развития первобытнообщинного строя, оба они свойственны лишь наиболее поздним его этапам⁹⁸.

Таковы основные черты первобытной общины на ранних этапах ее развития. Ее исследование имеет большое значение для марксистской исторической науки, социологии и политической экономии. Однако нужно иметь в виду, что этнографический материал может быть полезным только при условии объективного и свободного от всяких априорных концепций исследования сложной и во многом еще неясной истории первобытного общества.

⁹⁸ Термины «матриархат» и «патриархат», «матриархальный» и «патриархальный» употребляются нередко в очень широком и нечетком значении. Так, например, М. О. Косвен пишет: «Матриархатом называется тот период первобытной истории, который знаменуется равноправным в своем дальнейшем развитии и преобладающим положением женщины в хозяйстве и обществе» (М. О. Косвен. Матриархат. История проблемы. М.—Л., 1918, стр. 3). На это правильно возражают А. Л. Монгайт и А. И. Першиц: «Ведь если ранний матриархат характеризуется общественным равноправием женщины и мужчины, то тем самым он перестает быть матриархатом: термин перестает соответствовать вкладываемому в него содержанию» (А. Л. Монгайт и А. И. Першиц. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет.— «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 137).